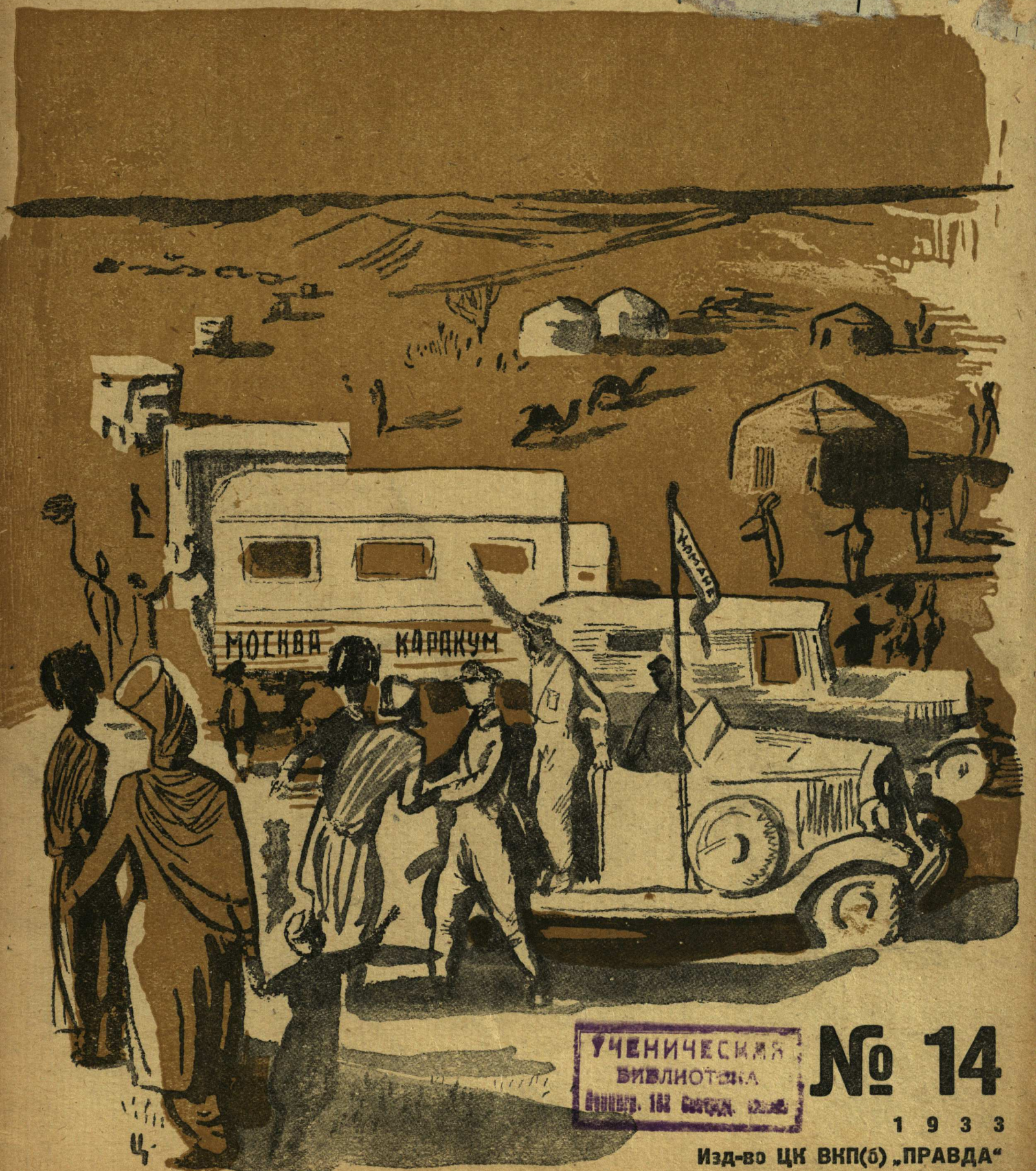
ПИОНЕР



УЧЕНИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленингр. 182 Совгорд. [illegible]

№ 14

1933

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПИОНЕР № 14

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ
Адр. ред.: ул. Горького, 8, тел. 1-15-22.

Июль 1933

ЛЮЦЕРНА СЕРПОВИДНАЯ ИЛИ ЖЕЛТАЯ

Многолетняя бобовая трава. Стелется по земле. Цветы желтые, собраны в короткие головки. Бобы серповидные, изогнутые, с сетчатыми жилками. Хорошая кормовая трава. Собирать семена.

ЭРУАН, МАРЬИН КОРЕНЬ ИЛИ ДИКИЙ ПИОН

Многолетнее растение, в лесах. Высотой до метра, похоже на пустой садовый пион с розово-красными цветами. Семена масличные. Собирать семена.

ШАЛФЕЙ МУТОВЧАТЫЙ

Растет на полях, в степях. Высотой 40—60 см. Листья похожи на крапиву. Цветы фиолетовые, густо мутовчатые, собраны в длинную кисть. Семена масличные. Собирать нужно семена.

ОХОТНИКИ ЗА КРАПИВОЙ

Проф. В. Петров

В Сихотэ-Алинь гористо и дико. Ночью идет протяжный и непрерывный лесной гул. Гудит лес, шелестит высокая, в рост человека, трава, неслышной поступью проходят дикие животные. Утром я выхожу из палатки. Трава еще совсем мокрая от росы, кое-где стебли примяты и на росе темнеют следы. Здесь проходило стадо пятнистых оленей — тех оленей, которых китайцы считают священными.

Дорога их заметна: то обглоданы листья, то вырван с корнем кустик. Олени ночью паслись, и мы с товарищами идем смотреть, что именно они ели, какие растения пришлись им по вкусу. Когда мы это узнаем, мы начнем разводить эти растения, обеспечим оленей кормом и разовьем пантовый промысел: пантами называются молодые рога пятнистого оленя, которые китайцы считают драгоценным лекарством; панты являются предметом вывоза за границу: в Монголию, Китай и в Тибет.

Но во время работ экспедиций изучаются не одни кормовые растения. В первую очередь идут поиски растений, в которых нуждается промышленность.

Всегда периоды войн и блокад вызывали повышенный интерес к новым растениям. Международная торговля приходила в расстройство, нельзя было ввезти из-за границы те растительные продукты, которые были нужны. Во время войн Наполеона Англия прекратила подвоз сахара из своих колоний. В то время, столетия назад, сахар добывался из сахарного тростника, который растет только в жарких странах. Начались поиски, чем же можно заменить сахарный тростник и в конце концов нашли сахарную свеклу, из которой сейчас добывают сахар.

После революции молодая Страна советов была охвачена кольцом блокады. Промышленность остро нуждалась в сырье. Многое удавалось заменить; дольше всех не давался каучук.

В 1925 г. в Южную Америку была послана первая советская экспедиция для изучения каучукового дерева. Ученые привезли каучуковые деревья и попробовали пересадить их на нашу почву. Но для них оказалось слишком холодно. Им у нас не нравилось. Тогда попробовали поискать другие растения, которые давали бы каучук и росли в Союзе. Десятки экспедиций отправились во все края Союза. Бродили по пескам под палящим солнцем, боролись со змеями, ловили у себя на койках скорпионов, страдали от жажды. И вот однажды в одном из глухих селений Казакстана увидели, что местные жители жуют какую-то липкую жвачку. Вспомнили, что американцы тоже жуют «гумми», т. е. каучук, резинку. Исследовали жвачку Казакстана и... так добрались до знаменитого тау-сагыза — «горной жвачки», у которого в корнях отлагается нитевидный каучук. Теперь на этом каучуке бежит часть автомобилей, участвующих в Кара-Кумском пробеге. Вы видите, к каким важным результатам приводит изучение растений.

(Окончание см. на 3-й стр. обложки)

П29
34 2

ЛИСТОК СЧАСТЬЯ

Дуглас Штиммер, американец, молодой инженер, и Майкель Бьерк, негритенок — по прозванию Хеппи (счастливчик) — приятели. Штиммер спас Хеппи из рук собиравшихся его сжечь по суду Линча. Штиммер получает работу у капиталиста Фафнира на постройке гидростанции в Болдер-Сити и от него же получает «листок счастья». Это листок, на котором кружками обозначены должности от рассыльного до директора. Листок показывает, чего может добиться поступающий на службу к Фафниру.

Штиммер пытается устроить туда же на работу и Хеппи. Фафнир не принимает цветных (черных), но Хеппи недаром носит свое прозвище; случай сталкивает его с Фафниром, по капризу капиталиста он попадает в его автомобиль.

Роман СЕРГЕЯ ГРИГОРЬЕВА
Рисунки ПАВЛА КУЗЬМИЧЕВА

(Продолжение)

ХЕППИ ПОЛУЧИЛ РАБОТУ

— Что это?

— Это не что, а это я! — ответил Хеппи из открытой двери. — Можно войти сюда, надеюсь?

— Хочешь чаю?—спросил Гринер.

— В данной обстановке я предпочел бы мороженое. Но «бúла не бúла», выпью и чаю, если вам угодно...

Старый Фафнир сошел с ума, вы заметьте это, джентльмены! Он привез меня прямо в новую контору и ввел в кабинет к молодому Фафниру. Это было хор-о-шо!.. Но молодой Фафнир не стал терпеть. Он взял меня очень вежливо двумя кончиками пальцев за ухо, чтобы не запачкаться, будто я крашеный, и выставил за дверь. Дверь захлопнулась. Я стоял у двери и слушал. Они начали там за дверью кричать. И кричали примерно с полчаса... Я не могу сказать вам, джентльмены, о чем они кричали. Они кричали, топали ногами. Я думал, что это кончится плохо. Кругом только белый мрамор и я! Наконец все стихло. Они еще долго ворчали. Затем старый Фафнир вышел и дал мне вот это...

Хеппи достал из кармана два листка.

— Это мой *листок счастья,* и вот тут крестиком помечено мое место в лестнице продвижения. Я должен работать на машине для заклейки конвертов. А это еще листок — семь наставлений старого хозяина.

Хеппи заунывно прочел наставления старого Фафнира:

Запомни семь прекрасных слов:

«Простите!»
«Очень благодарен!»
«Прошу вас!»
«Вам угодно?»
Привыкни улыбаться и говорить спасибо!

— Я улыбнулся старому Фафниру, семь раз сказал «спасибо». Думаю, джентльмены, что я поступал до сих пор правильно?

— Конечно, Хеппи!

— Я, Дудди, думал о другой машине. Но все-таки машина для конвертов — машина, а не банджо! [1]. Разрешите еще немножко варенья, любезный хозяин, и я не стану вам мешать.

ПИСЬМО

Хеппи делал свое дело в конторе молодого Фафнира. Его приставили к конвертной машине. Это не было похоже на токарный станок, к которому Хеппи надеялся стать в своем шикарном комбине, но все-таки машина очень хорошо вертелась. К тому же оборудование новой конторы было рассчитано на очень большую корреспонденцию, а пока молодой Фафнир сочинял не более трех десятков писем в день. Хеппи к ужасу стенотипистки Евы Аллен предпочитал заклеивать конверты с помощью собственного языка.

— Что ты делаешь?—изумленно воскликнула Ева, увидев это в первый раз.

— Клей довольно сладок,— ответил Хеппи.— Сладость не должна нигде пропадать.

[1]) Банджо — музыкальный инструмент, похожий на мандолину.

Гос. Публичная Библиотека Ленинград

— Зачем же тогда машина?

Хеппи в ответ пустил моторик и пропустил через кабинку ровно столько воображаемых конвертов, сколько перед тем заклеил языком.

— Машина должна вертеться, это — ее дело.

Ева смеялась...

— Право, эти черные очень забавны! Но им не место среди белых.

Хеппи понял, что до времени надо отказаться от большой карьеры за станком: он теперь ожидал, когда из дальнего плавания вернется в одну из западных гаваней голландский теплоход «Иохан ван-Ольденбарневельт». Голландцы более терпимы к черной коже. К тому же этот корабль плавал чаще всего в тропических морях. Вся команда (но не офицеры конечно) на этом корабле была цветная, и, что важнее, повар на «Иохан ван-Ольденбарневельте» был дядя Хеппи Томас Бьерк. Хеппи с помощью Дудди пришлось написать для верности несколько писем в

Из вагона выкатился Хеппи...

Батавию, Сингапур, Коломбо, Суэцкий канал, Геную, Алжир, Соутгемптон, Панаму, чтобы хотя одно письмо дошло до адресата. Все письма были одинаковы. Сочинял письма сам Хеппи. Дудди осталось только перестукать письма с копиями на машинке. Вот письмо Хеппи:

«Мистеру Томасу Бьерку, старшему повару команды корабля «Иохан ван-Ольденбарневельт».

Досточтимый сэр, глубокоуважаемый дядя!

Оказывается, ваш племянник Майкель Бьерк, более известный под именем Хеппи, сделал ошибку (которую теперь хотел бы исправить), отказавшись от должности ученика кока на нашем корабле. Т. е. теперь он не только не отказывается, а хочет. Хеппи за эти два года, как вы его не видали, вырос не менее чем на три дюйма и, право, из него может выйти бравый моряк, в чем вы, высокопочтенный сэр, не замедлите и лично убедиться, если согласитесь уважить настоящую просьбу вашего почтительного племянника, с нетерпением ожидающего от вас ответа из этой или иной гавани любой части света.

Хеппи (Майкель Бьерк), который как вам известно, что не лишне напомнить, имеет мореходную книжку с оттиском на ней большого пальца левой руки.

С высоким почтением к вам, глубокоуважаемый дядя, *Хеппи (Майкель Бьерк).*

Адрес...»

Хеппи не без расчета указал два адреса: дома, где они вместе с Дудди временно последние дни ютились в комнате, оставленной Гринером другу до оплаченного срока, и будущий адрес Дудди в Болдер-Сити (Аризона) на постройке плотины Гувера, контора «Амальгамайтед Бильдинг компани».

В БОЛДЕР-СИТИ

Сидя на камне, Штиммер размышлял о том, что его теперь ожидает.

Доставив Штиммера в Болдер-Сити на своей машине, Гомер Хэмлин представил его своему помощнику Джону Трэску.

— Как здесь дела, мистер Трэск? Кажется, неважно?

— Неважно? Плохо, мой друг, или лучше сказать, скверно.

И Джон Трэск рассказал, что Болдер-Сити накануне забастовки. Компания Фафнира имела широкий выбор. Она взяла лучших людей. Особенно хороши бурильщики и вообще проходчики. Каждый из них в сущности мастер. Они приучены к удобствам. Им нужен настоящий комфорт. Компания или не хотела или не могла дать удобств не только рабочим, но даже инженерам.

— Мы ютимся кое-как. Кормимся кое-как,—говорил Джон.—Я даже не знаю, где вы поместитесь: все койки в спальном вагоне заняты инженерами... Многие живут в палатках. В вагонах очень душно. Возьмите себе палатку—они есть... Вы вероятно устали с дороги? Полковник Хэмлин привык брать быка за рога, но я вижу по вашей рассеянности, мистер Штиммер, что вам надо отдохнуть. Мы отложим дела до завтра. Пройдемте лучше на склад. Возьмите себе палатку и устраивайтесь.

★

Проснулся Штиммер на закате, услыхав паровозный гудок. Штиммер вскочил, вспомнив слова Джона при расставании:

— Мы увидимся на станции у вечернего поезда. Там собираются все — это наш ежедневный клуб...

Штиммер побежал к пакгаузу из волнистого железа— временному вокзалу. Поезд встречала шумная, говорливая толпа. На Штиммера никто не обратил внимания. По крикам и возгласам он понял, что все заняты вопросом, что привезет с собой вечерний поезд.

Паровоз, звеня колоколом, вошел в толпу и остановился. Из первого вагона выкатился Хеппи и с радостным визгом кинулся к Штиммеру.

— Смотрите, ребята,—крикнул кто-то из толпы,— все-таки у нас есть кое-что на жаркое!

Кругом захохотали. Да, они имели основание смеяться: Хеппи был единственной *«живностью»*, прибывшей с вечерним поездом из Лас Бегаса, а был обещан целый гурт баранов.

Рабочие потрясали жестянками в поднятых руках

Хеппи показался Штиммеру похожим на черную лохматую собаченку. Штиммер поймал себя на мысли, что и правда, он хотел оставить Хеппи в Нью-Йорке словно приставшую собаченку.

Штиммеру стало досадно; отчего, он и сам не мог понять.

Рабочие стояли у под'езда и перекидывались шутками.

—Ты видел по крайней мере там баранов для нас?— допрашивали они кондуктора.

— Там баранов собралось не меньше, чем здесь!— ответил ворчливо кондуктор.

— Не хочешь ли ты сказать, что мы сами бараны?

Кондуктор осмотрелся и встретил не одну пару злобных глаз. Но ведь у них нет причины сердиться именно на него?

— Я не думаю, чтобы все были бараны... Но.

...Только бараны могут подбивать на забастовку теперь. В Лас Бегасе скопилось уже более пяти тысяч безработных. Все они хотят работы. Со всех сторон ползут еще. Говорят, что идут даже с нефти. Идут даже негры...

— Ого! Мы сейчас видели уже одного чертенка,— крикнул кто-то.—А эти твои тысячи пока далеко от нас?

— Они *там* пока, но скоро будут *здесь*. Компания может сменить здесь рабочую силу два раза, все это будут, как и вы, чистые американцы, и они будут работать на любых условиях.

— Да, но он их тоже должен кормить!

— Кстати о баранах!— повышая голос, ответил кондуктор, чтобы слышало больше народа:—Гурт баранов для Болдер-Сити был точно заказан в Фежинсе и приближался уже, оставалось три дня пути до Болдер-Сити, но у Прескотти случилась беда: напала банда трампов [1], вооруженных револьверами, и разогнала гуртовщиков. Бараны пропали. Народ голоден, что делать!..

— Что делать? Надо было послать с гуртом вооруженных патрульменов. Разве у Моррэна нет конных стражников? Что делает этот пьяница в Лас Бегасе?

— Морэн парень неглупый: он знает, что стражников ему лучше иметь под рукой.

— Уж не собирается ли он их послать сюда?

— А это зависит от того, как мы будем себя вести,— ответил кондуктор.

— Пусть попробуют! Мы их встретим бомбами!

Дружный хохот поддержал весельчака.

Так кончился день, первый день Штиммера в Болдер-Сити. Возвратясь с Хеппи в палатку, Штиммер был угрюм, не отзывался на болтовню друга и опять повалился на постель.

— Да какая тебя, Хеппи, муха укусила, что ты бросил контору Фафнира и прикатил сюда?

— Это не я, Дудди, бросил контору, а контора бросила меня. Дело в том, что молодой Фафнир вдруг выбежал из своей клетки и увидел, что я лижу конверт, чтобы заклеить. Молодой Фафнир ужасно рассердился, ведь для этого он купил машину! «Вон!»—кратко кинул Фафнир, и я мухой вылетел из конторы.

— Как же ты попал сюда?

— Очень просто, Дудди. Ведь в поездах этой страны есть еще, хвала создателю, вагоны для черных джентльменов. Когда ты уехал, Дудди, я стоял на кроссинге [2] и думал... «Смотри парень,—сказал я Майкелю Бьерку,— не вешай головы. Дело вовсе не так плохо; кроме кроссингов, где люди расстаются, есть кроссинги, где люди встречаются». Я ведь знал, Дудди, что в Лас Бегасе шоссе пересекают рельсы! Вот и все...

БОМБЫ

На главной площади Болдер-Сити собралась толпа забастовавших строителей. Утро накаливалось, но все привыкли работать под открытым небом в жаркие дни и не боялись зноя. Да все равно, иного удобного места для собрания не было. Здесь стояло несколько больших вагонов. В одном из них помещалась контора, в другом — кухня и столовая для инженеров, а еще три двухэтажных вагона назначались для жилья инженерам, но многие из них, подобно Штиммеру, перешли в палатки. Вокруг этого лагеря раскинулись на площадке землянки, а от площади шли в разные стороны лучами будущие улицы Болдер-Сити, вымощенные бетоном, с тротуарами по краям. Вдоль улиц валялись груды камня, кирпичей, штабели леса, бочек с цементом; повсюду торчали из земли вешки, репера, значки, отмечая, где быть бане, телеграфу, почте, станции автобусов,—все это было похоже на план города, перенесенный с бумаги на землю в натуральную величину. Тут и там стояли без движения строительные машины, похожие на чудовищных зверей, пасущихся на каменном лугу. Суровую картину обрамляли зубчатые горы. Меж черных и цветных утесов извивалась гулкая река, врываясь в глубокое ущелье Болдер-Каньона.

Строители выполнили свою угрозу. Склад взрывчатых веществ находился в пещере, сделанной на скло-

[1]) Трамп — бродяга.

[2]) Кроссинг — перекресток больших дорог.

не горы к реке. Но бомбы сохранялись не там, погреб с бомбами находится тут же, неподалеку от главной площади Болдер-Сити. С веселыми шутками строители Болдер-Сити окружили погреб и потребовали выдачи бомб. Смотритель склада подчинился требованию рабочих и выдал по две бомбы — они на это имели неоспоримое право.

Молодые инженеры и мастера отказались от своей порции, не отходя от шумной толпы; инженеры держались однако особняком. Они совещались о том, надо ли и им сказать свое слово. Штиммер высказался ясно и определенно:

— Мы служим компании,— значит мы служим делу. Плотина должна быть выстроена. Может ли быть она выстроена при данных условиях? Нет. Это мы должны заявить твердо. Подряд, взятый «Амальгамайтед Бильдинг компани», ей непосилен. Ее техническая и финансовая мощь ничтожна по сравнению с громадной задачей. Почему банки, с которыми всегда работал старый Фафнир, теперь отказывают ему в помощи? Мы не знаем, мы вправе об этом спросить Гомера Хэмлина.

— Пусть и рабочие знают, что думаем мы. Если мы выскажемся здесь открыто, то у наших исполнителей не будет подозрений, что мы в стачке с хозяином и против них.

Общее мнение склонилось к предложению Штиммера. Инженеры остались в первых рядах.

Облако пыли на шоссе известило о приближении Гомера Хэмлина. Конный отряд патрульменов следовал за машиной, растянувшись вереницей.

Приближение Гомера Хэмлина было встречено криками и свистом. Рабочие потрясали жестянками в поднятых руках. Автомобиль замедлил ход, приближаясь к толпе. Бомбы полетели ему навстречу. Большинство бомб не взорвалось, немногие лопнули с глухим звуком «пафф», как лопаются плохо надутые автомобильные шины, другие бомбы просто раскололись и, шипя, испускали нестерпимое зловоние.

Автомобиль остановился.

— Вот чем вы кормите нас!—крикнул кто-то в передних рядах из толпы строителей.

— Дождетесь, мы накормим вас и настоящими гранатами!— крикнул кто-то из задних рядов.

Патрульмены подскакали и спешились. Взмыленные лошади фыркали от зловония, распространенного разбитыми жестянками консервов.

Солнце немилосердно жгло. Воздух стоял, затаив дыхание,— сам воздух как будто задыхался от зноя и духоты.

ДВА ПОРТРЕТА

Митинг кончился. Хэмлин остался в Болдер-Сити. Толпа строителей, получив заверение, что требования будут удовлетворены, а обещания Хэмлина будут об'явлены формально, разбрелась по своим участкам. Туда же направилась большая часть инженеров.

Хемлин подозвал к себе Штиммера и пошел с ним вниз к реке, где в массиве правого берега уже были пробиты два жерла будущих туннелей. В них должна устремиться река, подпертая перемычкой, и освободить дно, усеянное валунами, для закладки фундамента постоянной плотины.

Рассеянный и сумрачный Хэмлин бегло взглянул на приспособления временной откатки и спустился к самому урезу воды.

— Итак, мальчик, вы в последний раз мне говорили, что придумали новый прием откатки. Какой?

Штиммер предлагал такую расстановку машин в туннеле, что «пустое» время между отдельными операциями сократилось бы до наименьших размеров.

Хэмлин, слушая Штиммера, одобрительно кивал головой и изумленно приподнимал брови...

— Так чорт возьми! — прогремел Гомер Хэмлин, когда Штиммер смолк.—Ваша идея хороша. Мы ее принимаем. Чорт возьми! Предлагая первый вагон грузить последним, вы заполняете дыру во времени полезной работой. Мог бы вас поздравить. Вы могли бы стать еще одной ступенькой выше на лестнице счастья... Очень жаль, очень жаль! Хэмлин замолчал и, сердито уставясь в глаза Штиммера, ждал ответа. Молодой инженер смущенно молчал, не зная, что отвечать.

— Что ж, чорт возьми, вы молчите?— взревел вдруг Хэмлин,—или вы еще не видали этого?

Он выхватил из кармана небрежно сложенный лист и ткнул его Штиммеру.

Штиммер взял листок. Это был свежий номер местной газеты «Солнце Калифорнии». Первое, что бросилось в глаза Штиммеру на первой странице под сотней крупных заголовков,— два портрета рядом: Хеппи, веселый Хеппи скалил зубы рядом с Дугласом Штиммером. Пробежав сотни заголовков к очень коротенькой статье, Штиммер понял.

«Вглядитесь в эти два портрета!»

«Негр, спасенный инженером Штиммером от суда Линча»

«За что-нибудь да судили этого юного, но очевидно преступного негра?»

«Кто спаситель?»

«Присмотритесь к нему. Это он выступал заодно с забастовщиками»

«Почему он спас негра?»

«На Гувер-Дам нет места ни неграм, ни забастовщикам»

Хэмлин поднялся с камня и пошел в гору. Штиммер молча следовал за ним.

Прощаясь со Штиммером, Гомер Хэмлин сказал:

— Вы понимаете сами, мальчик, что дело скверно. Что же касается вашей идеи, она правильна. ...Очень жаль, очень жаль!

Они расстались. Газета осталась у Штиммера.

Возвращаясь в палатку после обеда, Штиммер услышал нежное пиликанье какого-то инструмента: это Хеппи играл грустную негритянскую песню. Он смастерил гриф из палки, приладил его к пустой сигарной коробке, натянул струны. Для смычка Хеппи успел надергать волос из белого хвоста пегой лошади одного из патрульменов, пока они слушали митинг. Вместо канифоли Хеппи натер свой смычок, натянутый на гибкий прут, можжевелевой смолой.

— Посмотри-ка, Дудди, что можно сделать из пустяков. Эта скрипка звучит недурно. Я думал повеселить тебя: ты все печален, Дудди.

— Нечему радоваться, Хеппи. Вот посмотри!

Штиммер показал мальчику газету.

— Хэ-хэ!—воскликнул Хеппи,—правда, я очень похож? Узнаю вас, Майкель Бьерк!

— Ты кажется в восторге.

— Я думаю! Не всякого негра напечатают в газете. Если меня напечатали, я—замечательная личность! И напечатали рядом с тобой, Дудди! Тебя узнать труднее, но это очень удачно. Это моя мысль быть всегда и везде с тобой рядом, Дудди.

— «Очень жаль, очень жаль»,—подражая Хэмлину, сказал Штиммер; несмотря на тревогу, он не смог удержать улыбки: Хеппи сиял и не выпускал газеты из рук. Штиммер попробовал об'яснить Хеппи смысл того, что напечатано в «Солнце Калифорнии», но Хеппи остался при своем.

(Продолжение следует).

В ДЕБРЯХ ШАТУРСКОГО РАЙОНА

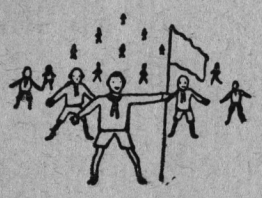
Очерк Б. И. *Фото Е. ЛЕМБЕРГ*

В ГОСТЯХ У АПТЕКАРЯ

Прежде всего ребята зашли в аптеку. Заведующий аптекой удивился—к нему редко приходят гурьбой. Ребята попросили у него список лекарственных растений, нужных аптеке.

— А я, простите, подумал, что у вас в базе какая-нибудь массовая неприятность с животами случилась, и соображал, довольно ли вам будет литра касторки. Лекарственные растения? Пожалуйста...—и он стал читать длинный список совершенно неизвестных ребятам растений.

Прямой путь от аптекаря вел конечно к естествоведу. С ним ребята просмотрели список и подчеркнули то, что растет в районе. Осталось десять-одиннадцать трав: плаун, валериана, калган-корень, можжевеловые ягоды, черника, аптечная ромашка, дурман...



Спали очень чутко,
Ранняя побудка.
Все пятнадцать тут как тут,
Дружною семейкой
Вышли на линейку.
Рапорт, горн, знамени салют!
(Из песни, сочиненной в походе).

Пятнадцать разведчиков собрались за церковью на военный совет. Ближе нельзя было, потому что их сразу окружала толпа ребят и совещаться было невозможно. На совете наметили маршрут похода и разделились на три бригады: производственную бригаду Жернова, хозяйственную Мити Тареева и санитарную Жени Смирновой. Вожатым похода начальник лагеря назначил Ваню Ермолаева—вожатого первого отряда.

Больше всего забот пришлось на долю хозяйственника. Митя Тареев возился в этот вечер дольше всех.

Утром 26 июля группа выступила в поход.

Половина лагеря провожала исследовательскую группу. Кое-кто в надежде увязаться за ней совсем. Но все скоро отстали. Строй рассыпался, как только лагерь исчез из виду.

Производственники шли по краям дороги и всматривались в травы и цветы. На первых порах каждая былинка казалась лекарственной, и жалко было ее пропустить.

Дикий крик заставил всех остановиться.

— Калган, калган, корень калган!—кричал Архипов, показывая ребятам небольшое растение с желтеньким цветком.

Ваня Ермолаев и Жернов считают, что калган сомнительный

Группа выступила в поход

Научная дискуссия началась здесь же. Бригадир Жернов и девочки не признали в цветке калгана. Почти все ребята знали это растение. В деревнях его корни кладут в вино, оно от этого краснеет и больше дурманит голову. Архипов крепко держался своей теории, хотя и допускал, что в низинах калган лучше.

Сомнительный калган как первый боевой трофей был спрятан в исследовательский чемодан и нанесен на карту.

Шли на юго-запад, и сразу выяснилось, что карта района составлена неверно. Не иначе, как составлял какой-то бюрократ. Все деревни были перепутаны. Митинская оказалась на месте Починок, Починки — на месте Митинской, и по дороге вдруг вырос хутор, который должен был находиться километров на шесть к северу. У похода оказалась новая цель — исправить карту и сообщить об этом в район. По такой карте зимой можно попасть к чорту на кулички и вообще замерзнуть в поле, запутавшись в перепутанных деревнях, реках и лесах.

Хозяйственники забежали вперед и нашли калган—целое поле. Новый калган был с прекрасным корнем, сочным и большим. Научную дискуссию подытожили голосованием, и первый калган был отменен как калган и оставлен как память для гербария. Жернов поставил свой чемодан и аккуратно, как он делал все, нанес на карту первое несомненное поле калгана.

По этому поводу хозяйственники запели. Запевал Митя Тареев, отчаянный завхоз, подхватывали остальные, фальшиво и невпопад, зато громко.

Погода утром была, как нарочно приготовленная для похода. Солнца было как раз в меру. Оно было не слишком жаркое, и ходить было приятно.

Первый лес, пересекавший на карте нашу дорогу, оказался на месте. Ребята раскинулись по лесу и нашли плаун. Плаун стелется по земле, на нем шишечки, в которых к осени созревает желтая пыль. Это ликоподий, очень ценное сырье. Ликоподий был нанесен на карту, так же как и можжевельник.

И вдруг хлынул дождь. Такого ливня не было еще в это лето. Ребята попрятались под деревья. Но это не помешало им вымокнуть до нитки. Те, кто не успел вынуть пальто из мешков, вымокли просто, те же, кто был в пальто, тем же порядком промокли и в пальто.

Все ботинки потерпели аварию и стали, как потонувшие корабли.

Мы дождю сказали—
Вот не ожидали,
Из лесу ушли, как из реки,
Но ведь мы в разведке
Новой пятилетки,
Дождь и ветер—это пустяки.

Разведчики вышли из-под деревьев и пошли по дороге. Они решили, что промокнуть больше все равно невозможно.

Строем вошли в деревню. Деревенские ребята и взрослые с удивлением смотрели на боевую группу. Ни на одном лице нельзя было заметить мокрого выражения. Дождик еще шел. Дневка была устроена в избе бывшей школьницы ФЗС комсомолки Куликовой.

Сушились, грелись, отдыхали, варили обед. После обеда горнист Шепелев, никому не доверявший горна, вышел из куликовской хаты и стал горнить. Его задачей было собрать деревенских ребят. Но Шепелев горнил так долго, что собрались не только дети и взрослые, но даже какие-то очень древние старушки. Когда Шепелев увидел старушек, он оторопел и перестал горнить.

Затеяли игры, в которых старушки не принимали участия, да и ребята что-то дичились. Так что получилось на первых порах, что Женя Смирнова играла сама с собой. Девочка она очень добросовестная и играла с большим старанием. Наши разведчики пожалели ее и стали тоже играть. Тогда вошли в круг и деревенские.

Старушки и все остальные смотрели на игры молча. Потом они очень внимательно слушали женину лекцию про сбор лекарственных трав. Лекция была такая, что даже разведчики удивлялись, откуда эта Женька все знает. Лекция получилась превосходная, вроде как у профессора. После лекции старушки стали задавать вопросы, и только тут мы увидели, что все-таки Женя Смирнова—не профессор. На некоторые вопросы она ответить совсем не могла. На вопрос, сколько платят за ликоподий в сельпо, она позорно молчала.

Но все-таки многие деревенские ребята прямо с митинга побежали рвать аптечную ромашку.

Все пятнадцать разом
Смотрели зорким глазом.
Мы глаза не прятали в карман:
Нашли поля калгана,
Ромашки и дурмана
И все это нанесли на план.

После дневки 10 километров шли ребята лесом, встретили только двух человек.

Несмотря на сырость, разведчики не бросили своей боевой работы. Найдены были целые заросли плауна, рябина, много можжевельника.

Собирать их было еще рано. Они созревают осенью, но на карту они попали.

Первый день похода кончился.

ВСТРЕЧА СО ЗМЕЕЙ

В лесу каждому был дан свой участок: кому поближе от дороги, кому подальше. Только Шепелев с горном ходил по дороге и горнил без передышки, как в оркестре, чтобы обозначить дорогу. Все ребята вооружились ножами, у некоторых ножи были с кривыми лезвиями. Не ножи, а турецкие ятаганы. Так под боевые звуки горна свирепые охотники собирали растения для школьного гербария.

Испуганные шагами, в траве мелькали юркие зеленые ящерицы, очень большие. Хозяйственники попытались ловить их, но ящерицы удирали, оставляя хвосты в их руках.

По траве прошуршало извиваясь какое-то большое пресмыкающееся. Оно неслось прямо на Шепелева. Тот страшно испугался.

— Змея! — он кинулся в сторону.

Змея почти коснулась его, стоило ему задеть ее и укус был неизбежен. Он моментально пришел в себя. Вместе с Молотковым они не дали ей уйти. Молотков перехватил ее палкой. Она пыталась ускользнуть. Шепелев размозжил ей голову. Все это произошло очень быстро.

Горнист Шепелев стал горнить...

Когда ребята сбежались на полянку, змея со смятой маленькой треугольной головкой еще яростно извивалась. Ребята хорошо рассмотрели ее. Она была темно-коричневая с черной зигзагообразной полосой на спине. Змея была довольно толстая, длиной чуть поменьше метра.

Змею взяли с собой как трофей. Несла ее на палке Женя Смирнова.

В этот день дальше совхоза Крушины не пошли. Там варили обед, смотрели кроликов, писали дневник похода, купались, приводили в порядок собранные материалы.

В Крушине ребята подводили итоги двухдневного похода, и все пришли к одному заключению: все хорошо, если бы не проклятые комары. Комары хуже всяких змей. Змей мало — комаров миллиарды. Змею можно убить, и ее не будет, а комаров чем больше убиваешь, тем больше их появляется. Потом змею убьешь, и каждый тебя считает героем, а комаров все бьют, избивают беспощадно, тысячами, но никто их героями за это не считает.

Нет, страшнее комаров ничего не было в походе.

Змеи нам встречались,
Их мы не боялись.
Мы зверье страшней встречали
с той поры,
Страшнее бегемотов,
Страшнее кашалотов,
Звали их конечно—комары.

На третий день дорога оказалась самой длинной и извилистой. Еще накануне вожатый похода и директор совхоза Крушины целый час сидели над картой, соображая, как бы поближе пройти в Дуброво.

Чтобы не делать крюк в 10 километров, решили пройти малоизвестной дорогой.

Впрочем Тареев, Круглов и все хозяйственники согласились пройти еще 20 километров в этот день, лишь бы притти в Дуброво с другой стороны, не с той, с которой вышли. Девочкам очень хотелось пройти путем покороче, но они мужественно молчали.

Директор дал верхового проводника—пастушка.

БЕЗ ПУТЕЙ И ДОРОГ

Утром ребята, потряхивая уже совсем легкими мешками, тронулись в путь гуськом. Впереди верхом на высокой кляче двигался молчаливый проводник.

Болотистый грунт под дождями последних дней расползся еще более. Даже на дороге ребята чуть ли не по колено тонули в жидкой грязи. Когда же они сошли с дороги и пошли лугами, то даже трусики пришлось засучить, потому что луга были сплошь покрыты водой.

Солнце все-таки выглянуло, и казалось, что луга сразу расцвели. Это, пожалуй, были и не луга—огромные поляны в цвету, окаймленные лесом. Какой дорогой вел проводник, не было известно. Ребята двигались по следу лошади—по смятой высокой траве. Здесь нельзя было итти иначе, как гуськом. Пятнадцать разведчиков растянулись длинной цепочкой, и казалось, что это не обыкновенные школьники за 10—15 километров от своей школы, а путешественники в болотистых лесах Ориноко или Амазонки. Никто не встречался на пути. Одна поляна сменялась другой, еще более дикой и чудесной. Конца-края не было видно воде, лесу и лугам.

Проводник двигался на восток, потом заворачивал на север, потом на юг, поворачивали обратно. Два часа уже шли разведчики, и было непонятно, куда ведет их проводник. Никто не отставал, но для бодрости духа Шепелев горнил, и звуки горна пугали каких-то болотных птиц. Ребята старались их определять по полету.

Когда проводник без толку повернул еще несколько раз, стало ясно, что он сам не знает, где находится. Ваня Ермолаев—вожатый—его остановил.

— Где мы находимся?—спросил он его.

— Кто его знает,—отвечал проводник,—видишь, дороги нет.

— А куда ты нас ведешь?

— Куда веду? На Алексино-Шатур веду.

Ребята возмутились: — Как на Алексино-Шатур? Вчера только ушли оттуда.

Заросли плауна, калган, аптечную ромашку — все занесли на план

— Мы же с тобой договаривались в другую сторону—на Гавриловскую.

— А кто ж его знал?

— Сколько же километров по крайней мере до Алексина?

— Да верст восемь, а то и десять будет.

Это было выше всякой меры. Когда проводник увидел, что ребята рассердились не на шутку, он стегнул лошадь и ускакал, разбрызгивая воду.

Ребята остались одни.

Самой настоящей
Заповедной чащей,
Без дороги проходя везде,
Мы в лугах Крушины
Часа три с половиной
По колено шлепали в воде.

Компаса не было, но солнце светило, часы показывали ровно двенадцать, и определить, где находится юг, ничего не стоило. Горе-проводник вел на юг и в том же направлении ускакал.

Справились по карте. Все пути на юг уводили нас от Дуброва. Устроили, стоя, военный совет, сесть нельзя было—вода по колено—и решили итти в противоположную сторону—прямо на север.

Тареев и Круглов обрадовались.

— Это дело—сказали они,—по крайней мере сами будем выходить из трудного положения, а то ходи за проводником, как телята, да проводник еще и дурак.

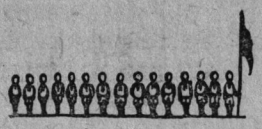
Пошли, держа курс на север, и через час вышли на лежневку. Лежневка—это дорога из двух толстых деревянных рельсов. Зимой ее заливают водой, и она ледяная. У лежневки работали лесорубы; оказалось, что проводник увел далеко в сторону от пути. Экспедиция ходила Красными лугами, непроходимыми и красивейшими местами Шатурского района.

Выйдя на большую дорогу, устроили днёвку: варили кашу на костре. Во время варки вспыхнул спор. Как варить кашу, с грибами или без грибов? Большинство захотело варить кашу с грибами, и, чтобы не портить обеда противникам грибов, им выделили кастрюлю, из которой они впятером и ели. Обе каши пахли дымом, и от этого они почему-то казались вкусней.

Нет обеда краше,
Дружно ели кашу
(Где на дневку делали привал),
Кто хотел—с грибами,
Кто хотел—с зубами,
А кто вовсе с мискою с'едал.

В последний переход выступили с пустыми сумками. Перегружен был один Жернов. Его исследовательский чемодан был полон растений, в руках он нес свернутую тщательно разрисованную карту похода. Точками на ней был обозначен путь экспедиции. По пути были нарисованы цветы и травы: так обозначались находки.

Веселы, здоровы,
Мы пришли в Дуброво,
Все пятнадцать тут как тут,
Дружною семейкой
Вышли на линейку.
Рапорт, горн, знамени салют!



Итак, где же были эти неизвестные места, где пролетали дикие птицы и ползали опасные пресмыкающиеся? Где были эти непроходимые дебри, где можно было бродить полдня и никого, никого не встретить? В Америке, в Австралии, в горных ущельях Памира?

Да нет же. Все это, как вы видите, можно найти за 120 километров от Москвы, в Шатурском районе.

Может быть это—медвежий угол, заброшенное место? Нет, по району проходит Казанская железная дорога и петлит больше полутораста километров торфяной узкоколейки.

Летом одних торфяников там работает тридцать тысяч, не считая электриков, транспортников, химиков, стекольщиков. Богатейший промышленный район!

Может быть Шатурский район тянется на сотню километров, как районы Дальнего Востока или Восточной Сибири? Да нет. Стань в самом дальнем углу района, на границе Ивановской промышленной области, и там при подходящем ветре ты услышишь гудки Шатурской электростанции.

И все же ребят, пришедших из похода, заслуженно встречали как настоящих исследователей и путешественников. Они не растерялись в незнакомом месте, с военной четкостью организовали снабжение в пути, не ныли и не жаловались на неудобства, свою исследовательскую работу соединили с общественной, они нашли у себя в районе полезные травы, они исправили карту района.

Они вернулись с навыками походной жизни, с более зорким глазом и крепким телом.

Они вернулись, чтобы через несколько дней повести новые группы для сбора обнаруженных ими богатств.

Коль поручат дело,
Мы беремся смело,
Наша группа вынослива, ловка.
Все мы знаем дружно,
Что Союзу нужны
Зоркий глаз и крепкая рука.

Так заканчивалась составленная в походе песня.

КОНЕЦ ЧЕРНЫХ ПЕСКОВ

К рисунку на обложке — *Н. ШАМЕТ*

По окраине величайшей в мире песчаной пустыни «Черные пески» лет семьдесят назад шел вместе с караваном верблюдов путник в рваной одежде. Через несколько лет в Европе вышла книга, в которой знаменитый венгерский путешественник Вамбери описывал свое путешествие в одежде монаха по Средней Азии. Вот что он писал о пустыне Кара-Кум (Черные пески):

«В воздухе ни птицы, на земле ни жука, ни червя, есть лишь следы угасшей жизни, кости погибших людей и животных... Отсутствие воды и палящее солнце, которое накаляет воздух до 52°, убивали все живое в этой пустыне. Изредка по окраине пустыни проходили караваны верблюдов, усеивая землю костями погибших животных. По бесконечным вереницам костей находили проводники караванные пути».

И только во время гражданской войны впервые появились люди в этой страшной пустыне. Это были красноармейцы, они шли в обход белых банд, страдали от жары и жажды, но все же одолели пустыню и разгромили белогвардейцев.

Пустыня стала оживать. Большевики начали переделывать природу. Они повели наступление на пески. Засухоустойчивые травы начали одевать пески в зеленый наряд, семена этих трав искали и пионерские экспедиции. По окраинам пустыни караваны в изумлении останавливались у странных следов автомобильных шин. В одной из частей пустыни за 700 километров от железной дороги был построен серный завод. Пустыня отступала перед большевиками.

Но в этом году пустыня Кара-Кум получает новый удар.

— По машинам! — раздалась команда в Москве в Парке культуры и отдыха.

И сто человек бросились в автомобили. Взмах флажка провожал каждый автомобиль.

Вот идет машина на шинах из картофеля, это никого не удивляет. Из картофеля добывают спирт, а из спирта на трех заводах впервые в мире делают каучук. Вот на шинах из этого синтетического (искусственного) каучука и идут машины.

Вот идет машина на 6 колесах—трехоска. Идут машины, только что снятые с конвейеров трех большевистских заводов: Горьковского, Московского и Ярославского.

Вот ушла последняя машина с номером 19.

Всесоюзный автомобильный пробег Москва — Кара-Кум — Москва начался.

Автомобили должны пройти 9 тыс. километров. То они будут мягко шуршать по асфальту, то переваливаться с камня на камень по булыжным мостовым, то подпрыгивать на ухабах проселочных дорог. И десятки людей со своими помощниками самыми точными приборами будут изучать, как ведут себя машины и люди, их водители. Это изучение поможет сделать советские автомобили лучшими в мире. Заводы по результатам пробега изменят части автомобилей.

Самое страшное ждет автомобили в пустыне Кара-Кум. Тысячу километров машины будет поджаривать солнце и мельчайший песок будет стремиться попасть в мотор. Пустыня как будто чувствует, что автомобили несут ей смерть и скоро она уступит «славу» самой большой песчаной пустыни мира какой-либо другой части земли.

Работники бюро освоения пустынь, участвующие в пробеге, изучают места, где можно пробурить колодцы, где засеять травы, чтобы дать пастбища для 25 миллионов овец.

Когда автомобили выезжали из Горького, у последней машины номер был уже «23»—четыре новых автомобиля присоединились к пробегу.

ВЕЛИЧАЙШИЙ КАНАЛ МИРА

Секретарю ЦК ВКП(б) т. СТАЛИНУ

Секретарю ЦК ВКП(б) т. КАГАНОВИЧУ

Председателю Совета народных комиссаров Союза ССР т. МОЛОТОВУ

Зам. пред. ОГПУ т. Г. Г. Ягода, непосредственный руководитель Беломорстроя

Постановлением правительства в ноябре 1931 г. на ОГПУ было возложено строительство Беломорско-Балтийского канала, соединяющего Балтийское море с Белым от Повенца на Онежском озере до Сороки на Белом море общим протяжением 227 км.

Настоящим сообщаю, что строительство, начатое в конце ноября 1931 года, окончено 20 июня 1933 года, т. е. в 1 год и 9 месяцев.

При предварительном испытании и опробовании весь канал и все его сооружения показали исправную работу.

Всего на Беломорско-Балтийском канале построено 118 сооружений, из них:

Шлюзов	**19**
Плотин	**15**
Водоспусков	**12**
Дамб	**40**
Каналов	**32**

длиной 40 км., для чего выполнено следующее количество работ:

1) Выемка грунта 9.960.000 кбм., из них:

скальных грунтов . . 2.514.000 кбм.

2) Сделано насыпи, обратной засыпки и загрузки ряжей грунтами . . . . . 5.412.000 кбм.

3) Выполнено земляных работ по переносу Мурман. ж. д. . . . 2.500.000 кбм.

Всего произведено земляных работ . . 21.000.000 кбм.

4) Срублено деревянных ряжей 921.000 кбм.

5) Уложено бетона . . 390.000 кбм.

Правительственная пусковая комиссия приступила к приемке сооружений Беломорстроя.

Зам. председателя ОГПУ

Г. ЯГОДА

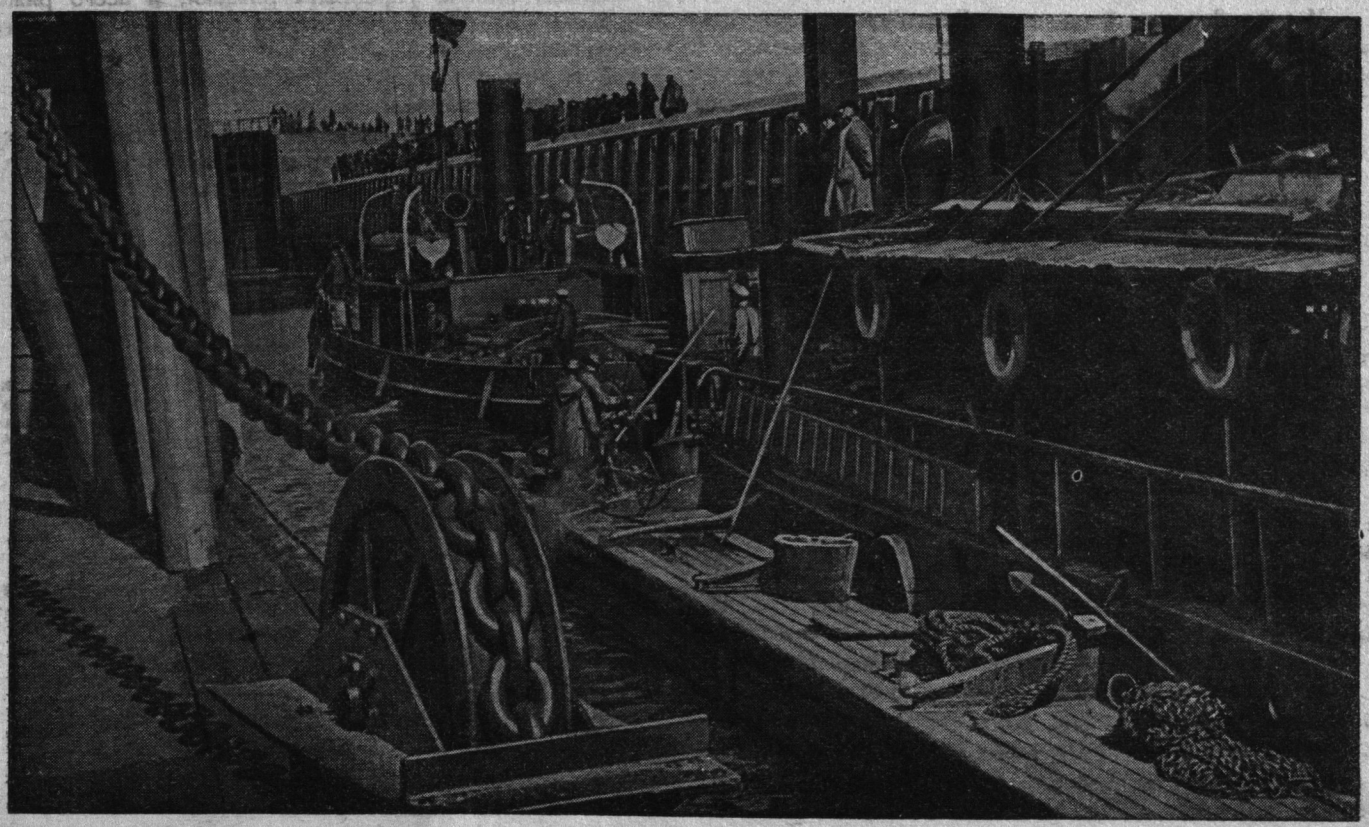
Так коротко, в нескольких строках рапортовало ОГПУ о соединении двух морей, между которыми пролегало лесами и болотами 227 километров.

Две величайшие победы одержало ОГПУ на беломорско-балтийском пути. Первая победа — постройка канала, вторая победа — переделка людей.

ОГПУ — грозное слово для врагов рабочего класса. Нет ничего ненавистнее ОГПУ для кулаков, спекулянтов, вредителей, для заграничных белогвардейцев и контрреволюционеров всех видов и мастей. ОГПУ безошибочно разоблачало и расправлялось с нашими врагами и, если нужно было, беспощадно уничтожало их.

И вместе с тем никто лучше ОГПУ не смог спасти от разложения сотни и тысячи беспризорных ребят. Из трудкоммун ОГПУ, куда попадали отравленные улицей беспризорники, выходили прекрасные ударники. А мы знаем, что ударники — лучшие люди нашего времени.

Немало прекрасных ударников выковало ОГПУ на Беломорстрое из социально опасных элементов, из людей, которых опасно было оставлять на свободе. Многие из них на стройке заслужили досрочное освобождение, некоторые даже ордена Красного Трудового Знамени и идут передавать полученный на Беломорстрое опыт строительству нового канала Волга — Москва.



Первый караван в канале

Фото А. Родченко

БЕЛОМОРСТРОЙ

ОЧЕРК В. ШКЛОВСКОГО

Рис. Н. КУПРЕЯНОВА

Прежде считалось, что Россия — страна не морская.

Такой она и кончилась.

В самом деле, есть Черное море, но оно заперто проливами, и в проливах чужие пушки. Были Финский и Ботнический заливы — замерзают. Ледовитый океан совсем во льду.

Вместо того, чтобы огибать Швецию и Норвегию для того, чтобы из советского Ленинграда попасть в советский Архангельск, мы пройдем короче и надежней своим каналом

Тихий океан...

Тихий океан далеко. И в Тихом океане ходят льды, ходят туманы.

Россия имела плохие моря и все разрозненные.

По Ледовитому океану не пройдешь, ни разу по нему в старое российское время никто не прошел без зимовки.

И этот Ледовитый океан от Балтийского моря совсем отдельно, поезжай туда вокруг Скандинавского полуострова.

Нужно проехать все Балтийское море, потом через Атлантический океан.

Черное море опять совсем отдельно.

А Тихий океан с Ледовитым океаном соединялся разве только льдинами, которые проплывали через Берингов пролив.

Больше никакого сквозного сообщения не было.

И на реки не везло.

Волга текла в Каспийское море, а из Каспийского моря никуда ходу не было, и грузы шли по Волге всё против шерсти, против течения.

Днепр — большая река, только на-двое она переломлена порогами. Было две реки — верхний Днепр и нижний Днепр.

Были они порознь и поэтому никуда не годились.

Сибирские реки были многоводны, широки, длинны и текли под лед. В тупик Ледовитого океана.

Вся Россия была построена, как дом на несолнечную сторону. Очень был скучный, неудобный дом, похожий на тюрьму.

После Октябрьской революции это переделали.

Когда построили Днепрострой, то вместо двух Днепров оказался один Днепр.

Балтийское море улучшилось, потому что при работе ледоколов Ленинградский порт открыт круглый год.

Нева уже давно соединена через Мариинскую систему с Волгой и значит с Каспийским морем.

А вот за последние год и девять месяцев соединили Балтийское море с Белым.

Если посмотреть на карту, видишь Неву, за Невою—Ладожское озеро, за Ладожским озером — реку Свирь, за Свирью — Онежское озеро.

За Онежским озером — водораздел, и там, за водоразделом, большое Вык-озеро, на котором было столько островов, сколько дней в году.

И еще несколько мелких озер перед Вык-озером.

А за Вык-озером была река Вык, она текла зимой и летом, такая была быстрая, что текла и дымилась зимою, как лошадь на морозе.

Здесь когда-то много тысячелетий тому назад было море.

Эти озера — остатки того моря, а сейчас они соединены Беломорским каналом.

На нем — девятнадцать шлюзов, пятнадцать плотин, двенадцать водоспусков, сорок дамб.

Дамбы подымают озера.

Озера набухли, слились друг с другом, реки потекли сперва в другую сторону, потом остановились.

Возникли водоемы, величайшие в мире.

Сорок километров канала было проложено заново в скалах. От Онежского озера к этому каналу подымаются корабли великой повенчанской лестницей шлюзов на семьдесять метров вверх.

Канал построен заново и по-новому.

Огромные шлюзовые ворота и запорные приспособления в шлюзах сделаны из дерева.

Стены канала укреплены ряжами, и всего ряжей срублено 921 тыс. Есть плотины из наклонных ряжей, совершенно новых конструкций.

Есть интереснейшие бетонные сооружения.

Материал добывался на местах.

На местах создавались новые способы стройки.

Когда оказалось, что песок пропускает воду и торф пропускает воду, то нашли способ.

Панамский канал длиной в 81,3 километра соединяет два океана—Атлантический и Тихий в самом узком месте: между Северной Америкой Южной

Песок, покрытый торфом, а по торфу опять песок и по песку снова торф — вот такой слоеный пирог не пропускает воду. И так строились некоторые дамбы.

Длина Суэцкого канала 164 километра, длина Панамского 81,3 километра.

Беломорско-Балтийский водный путь имеет в длину 227 километров.

Для того, чтобы построить его, в систему стройки входят грандиозные сооружения Свирстроя, каждая плотина которого — подвиг и научное открытие.

Построили эту дорогу заключенные под руководством работников ОГПУ. Работники ОГПУ были организаторами строительства. ОГПУ не только построило плотину, стройкой оно переделало людей.

Люди пришли с разных сторон. Были здесь представители уголовного мира со многими судимостями, инженеры-вредители, воры. Их руками была создана эта постройка. Работали люди так, что когда т. Сольц приехал на стройку, он напечатал обращение к работникам строительства — заключенным, и это обращение начиналось словом «товарищи».

Длина Суэцкого канала 164 километра. Он соединяет Средиземное море и Индийский океан. Прежде для того, чтобы из Средиземного моря попасть в Индию, нужно было огибать всю Африку

Люди эти, пока строили канал, сильно переделались. Вот это и было самым изумительным в строительстве канала. Канал был построен с большим воодушевлением.

Беломорско-Балтийский водный путь, длина—227 километров

Во время стройки канала люди получили новые квалификации, учились и становились бетонщиками, подрывниками, геологами, гидротехниками. Правительственная комиссия, принимавшая канал, дала качеству его сооружения очень лестную оценку.

Между тем эти год и девять месяцев вобрали в себя карельскую зиму, зиму в тайге и тундре. Канал копался, рубилась скала, клался бетон в невероятно трудных условиях.

Беломорский канал соединил Балтийское море с Ледовитым океаном. Карская экспедиция ежегодно доказывает, что Ледовитый океан проходим. Устья сибирских рек связаны сейчас с Архангельском.

Поход «Сибирякова» связал Архангельск с Владивостоком.

Постройка Днепростроя, Беломорско-Балтийский канал, новые сооружения, которые сейчас у нас создают, связывают моря СССР в одну систему, мы становимся морской державой.

Россия была построена фасадом на несолнечную сторону. В Октябре, превратившись в СССР, страна получила солнце.

Рис. А. Каневского

ОБРАЗЦОВЫЙ КОСТЕР

Сегодня едва я только вошел в свой кабинет, чтобы начать прием пациентов, как у двери услышал горькие стоны. Как тигр, бросился я к ней. Дверь распахнулась, и я увидел какое-то странное существо, оно было все обмотано бинтами, а на том месте, где должна быть шея, висел красный галстук.

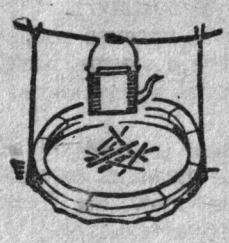
— Что с вами случилось?

— Спасите меня, доктор Звеновой. Я разжигал костер около стога сена...

— Довольно... Мне все понятно... Сейчас я вам напишу рецепт разжигания

образцового костра.

Я сам видел, как однажды развели костер под большим деревом. Не прошло и получаса, как в разгаре беседы несколько пионеров вскочило с диким криком — на них сверху посыпались горящие ветки и листья. Зеленые листья от жара костра высохли и загорелись. Чтобы не случалось таких неприятных неожиданностей, усиленно советую выбрать место для костра подальше



от деревьев, построек и вообще предметов, которые могут легко загореться.

Лопатой вырезается в земле круг диаметром метра в полтора, затем равными пластами, сантиметров в 10—15 шириной, вырезывают из круга дерн и обкладывают им круг с наружной стороны, кладя его травой вниз. Получается круг из земли, обложенный валом из дерна. Этот круг от краев к середине немного углубляют, делают покатым. С внешней стороны вала друг против друга вбивают в землю две рогатки.

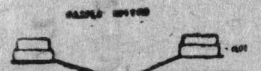
Однажды я наблюдал, как один пионер вбивал рогатку. Сначала он бил посредине — она раскололась. Взяв другую, он начал бить по рожкам — она раскололась. Так он испортил пять рогаток. В ярости он так ударил поленом, что рогатка сломалась пополам и, попав ему в лоб, украсила его огромным синяком. Чтобы избежать таких несчастных случаев, советую положить на рога рогатки кусок полена и, ударяя по нему, загонять рогатку в землю.

На рогатки кладется ровная палка сантиметра в 2 диаметром (более тонкая будет от жара костра прогибаться). На палку вешаются котелки. Иногда нужно бывает в котелках помешать, попробовать, добавить соли и т. п. Жар костра мешает, а снимать котелки неудобно. Поэтому недалеко от одной рогатки вбивают третью и на нее переносят один конец перекладины с котелками.

Есть много рецептов разжигания костра. Даю вам лучший рецепт.

В середине места для костра из тонких сухих веточек сложить пирамидку. Вокруг пирамидки сооружите из веточек потолще колодец. Затем подожгите пирамидку. Так как ветки сухие, то она легко вспыхнет и разожжет колодец. Тогда осторожно, чтобы не развалить колодец, начните класть на него ветки потолще.

Когда вы будете уходить, обязательно потушите костер и уничтожьте следы от него. Никуда не годится тот пионер, который оставит после себя непотушенный костер или грязь и сор.



Необходимо обязательно залить костер водой, затем разобрать вал вокруг костра и положить дерн на место так, чтобы место костра приобрело прежний вид.

Если погода ветреная, то для того, чтобы было легче разжечь костер, устраивают очень простое приспособление — берут сухую палочку (лучше березовую), на одном конце ее остругивают ножом стружки и зажигают их. Палочку кладут в середину пирамидки.

В ПОИСКАХ ГЛИНЫ

Недавно я встретил одного знакомого инженера. Он мне рассказал, что для плавки руды на Кузнецком металлургическом заводе в Сибири нужен известняк. Его возили за 500—600 километров, а оказалось, что в нескольких десятках километров от завода есть большие запасы хорошего известняка. Разработка их удешевила выплавку металла и освободила транспорт от лишних перевозок.

Вот так именно и нельзя бить по рогатке

—«Пионер» об'явил конкурс на лучший поход звена. Некоторые звенья отправятся искать строительные материалы для своего колхоза или производства.

Часто эти строительные материалы привозятся издалека, за десятки и сотни километров, а они есть под боком, как это было в истории с известняком.

Я хочу помочь звеньям указанием, как искать хорошую кирпичную глину. Запомните правила:

1) Глина должна быть чистой, без камней.

2) Глина должна быть тощей, не жирной. Скатайте из глины тоненький валик и перегните его вдвое. Если на месте сгиба будут трещины, значит глина тощая, годится для кирпича.

3) Хорошо, если запасы глины находятся недалеко от поверхности земли.

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ ПЕНЬ

Во время похода первый встречный пень может рассказать нам много интересных вещей.

Начать с того, что он может рассказать, сколько ему лет. Определить это очень просто. Присмотритесь внимательно к поверхности пня. Вы заметите, что он состоит из темных и светлых колец, они-то и показывают ежегодный прирост дерева. Широкий светлый слой нарастает весной, когда дерево растет быстрее, и слой этот более рыхл. Темный, более плотный слой показывает рост дерева осенью. Тогда дерево растет медленнее, и древесина более плотна и темна. Каждый год у дерева вырастает два слоя—темный и светлый. Чтобы определить, сколько лет дереву, надо сосчитать количество слоев, лучше светлых, так как их легче считать.

Я читал, что знаменитый натуралист Гумбольдт в 1868 г. наткнулся на острове Тенерифе на сломанное бурей дерево—драцену. Обхват пня был около 15 метров. Гумбольдт принялся считать круги на пне. Работа эта была очень тяжела, так как кругов оказалось более пяти тысяч, и когда Гумбольд сбивался со счета, ему приходилось считать все сначала. Чтобы вам было легче подсчитать круги, каждый десятый круг отмечайте карандашом.

Если вы внимательно присмотритесь к кругам, то заметите, что одни из них узкие, другие более широкие. В годы, когда что-нибудь мешает дереву расти—засуха, тень от других деревьев, нападение насекомых, — оно растет медленнее и кольца уже.

Наконец пень может показать, где север и юг. Обычно на южной стороне, откуда свет солнца сильнее, кольца гораздо шире, чем на северной.

В первом же походе проверьте все эти указания. Устройте среди пионеров соревнование, кто за полчаса найдет самый старый пень.

О чем рассказывает этот пенек?

МАРУНИЧ И КОЗА

Арсеньев 30 лет исследовал Уссурийский край на Дальнем Востоке. Там непроходимая тайга, вековые деревья, обвитые лианами, и живут там лесные люди—охотники и рыболовы. О своих путешествиях Арсеньев написал несколько книг. Лучшая из них—„Дерсу узала“.

М. Горький писал, что Арсеньеву удалось об'единить в своих книгах увлекательность приключений Фенимора Купера и острую наблюдательность ученого Брэма.

Были с Арсеньевым приключения опаснее и веселее. В этом номере мы даем охотничий рассказ Арсеньева из его посмертной, неизданной еще книги „В горах Сихотэ Алиня“.

Рассказ
В. АРСЕНЬЕВА

Рисунки
В. ЦЕЛЬМЕРА

Однажды стрелок Маруныч об'явил о своем намерении итти на охоту. Заявление это было встречено дружным смехом.

Весь день он был занят хлопотами по хозяйству: утром он кашеварил, в полдень варил обед, вечером готовил ужин, потом опять варил чай. В то время как другие могли ходить на охоту, Маруныч был привязан к кухне — и так изо дня в день.

Но сегодня он об'явил, что ему надоело сидеть без мяса, и поэтому он забирает всех собак и идет на охоту. Мы сначала приняли это за шутку, но потом убедились, что он действительно решил уйти на целый день.

Маруныч уговорил остаться за себя товарища, а сам начал собираться: надел полушубок, валенки, большую косматую папаху и рукавицы. Затем он собрал всех ездовых собак на один длинный ремень и с ружьем в руках отправился в лес. Собаки бежали в разброд, путались между деревьями и мешали ему итти. Сопровождаемый остротами и ироническими советами, он скоро скрылся в лесу.

Придя домой, я сел за работу, кое-кто из стрелков остался снаружи. Прошло с полчаса.

Вдруг в фанзу, как сумасшедший, кто-то вбежал. Схватив винтовку, висевшую на стене, он стремглав выбежал из дому. Следом за ним вбежал другой стрелок, потом третий, потом все начали хватать ружья и бежали куда-то, сталкиваясь в дверях и мешая друг другу. На мои вопросы, что случилось, они не отвечали, но по лицам их я видел, что никому никакой опасности не грозит, а, наоборот, все они были чем-то возбуждены, довольны и только спешили не упустить редкий случай. Поспешно следом за стрелками вышел из фанзы и я и увидел интересное зрелище.

С той стороны, куда пошел на охоту Маруныч, неслась испуганная козуля, ничего не видя перед собой, она вплотную набежала на стрелков около фанзы. Испугавшись еще более, козуля бросилась к реке с на-

мерением перебраться на другую ее сторону, но на беду попала на гладкий лед, поскользнулась и упала. Она силилась встать, но копытца ее скользили, ноги раз'езжались в разные стороны, и вследствие этого она постоянно опрокидывалась то на один бок, то на другой.

Все стрелки, захватив ружья, бежали к козуле, растянувшись в одну линию шагов на двести. Первый прибежавший не целясь выстрелил в козулю, чуть не в упор и, как всегда бывает в таких случаях, промахнулся. Затем стрелял следующий, потом третий, и так все по очереди. Наконец козуля поднялась и, с большим трудом скользя по зеркальной поверхности запорошенного снегом льда, направилась к другому берегу реки. Стрелки открыли по ней беглый огонь, но так как все они торопились, то никто не попал. Козуля благополучно достигла противоположного берега, сделала прыжок и исчезла в кустах; кто-то побежал следом за ней, а остальные пошли к фанзе. По жестам и интонациям голосов я понял, что стрелки укоряли друг друга в промахах и больше всего ругали сделавшего первый выстрел.

В это время из лесу показались собаки. Они бежали вразброд, связанные по две, по три и в одиночку. Настороженные уши, горящие глаза и порывистое дыхание указывали на то, что они гнались по следам козули. Собаки пронеслись мимо нас с такой быстротой, что задержать их не удалось, хотя к этому и делались попытки.

Минут через десять прибежал и Маруныч, держа в левой руке винтовку, а правой отчаянно жестикулируя. Вид у него был растерянный, папаха сдвинута на глаза, физиономия исцарапана и одежда изорвана.

— Где? Где? — кричал он.

— Кто? — спрашивали изумленные стрелки.

— Да коза!? — нетерпеливо отвечал он.— Она к вам побежала,— и, увидев собак на реке, он бросился за ними.

— Постой, погоди! — кричали ему.— Все уже кончено, коза давно ушла.

Маруныч остановился, испытующе посмотрел на реку, потом махнул рукой и воротился назад.

Стрелки окружили его, начали осматривать со всех сторон и засыпать вопросами.

— Где ты был? В чем дело, — спрашивали они.

Маруныч отдышался, поправил папаху и стал рассказывать, и чем больше он говорил, тем громче смеялись его товарищи.

А случилось с Маруничем вот что.

Собираясь на охоту, он не зарядил ружья, а обойму с патронами сунул за голенище валенка.

Двенадцать ездовых собак, которых он взял с собою, думали, что он ведет их на прогулку, и сильно тянули за поводок. Опасаясь, как бы они не вырвались и не убежали, он, улучив удобную минуту, задержался у какого-то дерева и привязал их к своему поясу.

Как на грех в это время из соседнего распадка выскочила козуля. Вспомнив, что ружье его не заряжено, Маруныч стал искать за голенищем патроны, но обойма опустилась так низко, что достать ее рукой он не мог.

Тогда он сел, снял валенок и вытряхнул обойму.

В этот момент собаки, почуяв козулю, бросились под уклон с горы.

Маруныч говорил, что они его тащили по земле, как чурбан на веревке. Он кричал, хватался за кусты, камни, за все, что попадалось под руку.

На счастье он скоро заклинился между двумя близко растущими деревьями, поводок лопнул, и собаки уже одни погнались за зверем.

След, оставленный Маруничем на земле, был столь явственным, что по нему он легко дошел до своего валенка. Тут же рядом лежали винтовка и обойма с патронами.

Зарядив ружье, он побежал за собаками в надежде, что они догонят козулю. Людские голоса, стрельба из ружей и собачий лай привели его к нашему лагерю.

Когда Маруныч узнал, что козуля ушла, он рассердился.

— Столько времени я с собаками гнал ее, а вы, столько народу, не могли в лежачую попасть,— недовольным тоном говорил он,— не стану я больше ходить для вас на охоту!

После этого он принялся вынимать из рук занозы и смазывать иодом ссадины и ушибы, а их было так много, что после операции кожа его сделалась пестрой, как шкура пантеры.

— Полно вам зубоскалить,— огрызался Маруныч на стрелков, которые покатывались со смеху, глядя на его разрисованную иодом физиономию.

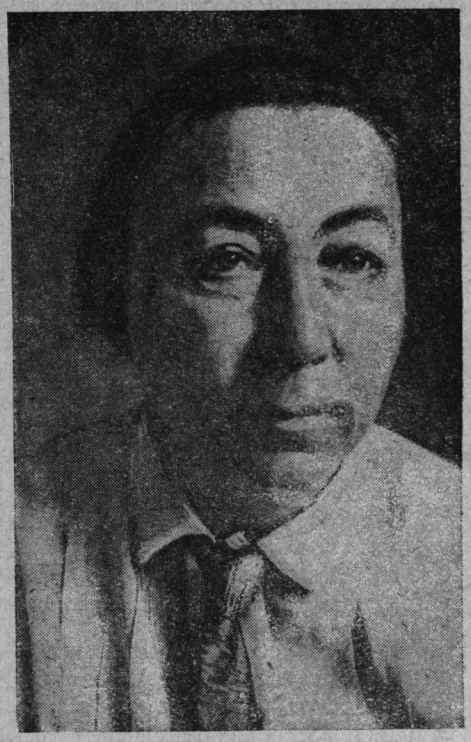
Маруныч отправился на кухню и занялся своим делом, а свободные стрелки пошли искать собак.

Совсем в сумерки возвратились люди с собаками. Одна из них подошла к Маруничу и дважды его облаяла.

— И ты туда же. Уйди, окаянная!—крикнул он и пустил в нее головешкой.

СЛАВНЫЙ ПУТЬ БОЛЬШЕВИКА

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ПРОДОЛЖАЕТ СВОЙ РАССКАЗ



Ольга Александровна Миткевич

Я была начальником политотдела дивизии на южном фронте. Была и в 13-й армии, а потом в 8-й. Наша армия пошла от Воронежа. Тогда был мамонтовский прорыв, который мы ликвидировали, и дошли до самого Грозного.

Дело было так: конница генерала Мамонтова прорвалась через фронт, чтобы добраться до таких мест, где были наши обозы, без которых не может существовать ни один фронт. Они выставили 8-й армии такие требования: «Мы пропустим всю 8-ю армию, только сдайте нам оружие, выдайте всех комиссаров и всех евреев». А как раз тогда у них в плену был комиссар дивизии 8-й армии т. Барышников. Они страшно его истязали и мучили. «Мы отпустим Барышникова,—сказали они,—и еще других ваших товарищей, если вы сдадите оружие».

Нам пришлось, как это ни было тяжело, пожертвовать т. Барышниковым, и он погиб в страшных мучениях. Трое суток его пытали, мучили, вырезали на спине ремни, но он держался очень хорошо. Те, которые его видели перед смертью, говорили, что он успел крикнуть им: «Не сдавайтесь, ни на какие переговоры не идите!»

Красную армию создать было дело нелегкое. Почему? Во-первых, у нас не было опыта. Во-вторых, рабочие-то были дисциплинированы, а крестьяне только еще учились драться за революцию, были недисциплинированы, все больше старались драться отдельными партизанскими отрядами. Партизанские отряды — дело хорошее, но они рассуждали иногда так: сегодня хочу—воюю, завтра не захочу—не буду воевать. Нас, группу коммунистов, влили в дивизию для того, чтобы создать дисциплину в армии.

Армия становилась все крепче и крепче, и мы постепенно продвигались от Воронежа до Ростова. Но этот путь очень долог, много сотен километров. После разгрома Мамонтова нам приходилось пробираться в очень тяжелых условиях, обоз отставал и с питанием приходилось туго.

Мы шли к Ростову, впереди шли 1-я конная, 9-я армия, потом мы—8-я армия. Все мы прибыли к Ростову и стали в 7 км. от него в станице Аксайской. Эта станица стоит на очень высокой горе, под горой — река Дон. На противоположном берегу другая станица — Ольгинская — и там белые. Бывало часто так: на одном берегу Дона наши, на другом — белые. В то время как мы тут стояли, Буденный заходил в тыл тем частям белых, которые занимали Ростов. Нам нужно было все время давать бои, делать вид, что мы тут деремся, и не показывать вида, что наши делают в это время обход. Лучшие силы ушли с Буденным, у нас же сил было мало.

Каждое утро в течение двух недель мы вели наступление из Ростова на Батайск, из Аксайской на Ольгинскую. Зима, снег, мороз 26°. Дон белый — весь снегом покрыт. Противоположный берег белый — заяц пробежит, видно. На таком открытом поле приходилось наступать на Ольгинскую, которая была крепко защищена (было у них 600 пулеметов). Они нас каждый день на 800 шагов подпустят и, как только подпустят, — с двух сторон артиллерия и пулеметный огонь. И так две недели никак не могли взять. Потери были большие. Много было обмороженных, замерзших и масса раненых. И так изо дня в день. Белые еще не знали об обходе Буденного. Они решили сделать контрудар и пошли в наступление по всему Дону.

БЕЛЫЕ В СТАНИЦЕ

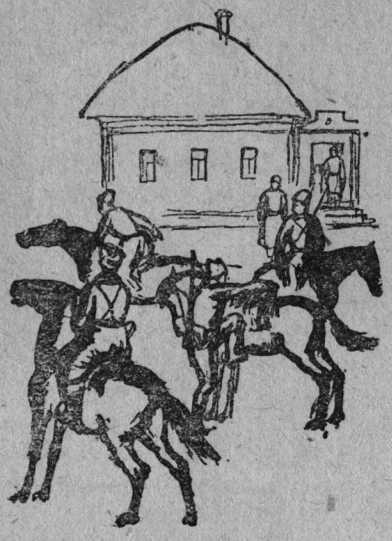
Дело началось так. Только-только начало рассветать. Часов в пять я первая выскочила из штаба и слышу — стрельба не только на фронте, но и еще где-то. Фронт в 800—1.000 шагах, но мы до такой степени привыкли, что под грохот артиллерии спали. Я смотрю и ясно мне, что на фронте драка продолжается. И так же ясно, что дерутся где-то еще. Я быстро вбежала в халупу к начальнику дивизии. Он был прежде генерал, но целиком перешел на нашу сторону и заслужил даже орден Красного знамени.

— Тов. Соболев, — говорю я,— вставай, в станице неспокойно. Не устроили ли кулаки восстание? —Тут весь штаб выскочил. Два красноармейца перебегают улицу и хлоп, падают мертвыми. И кто только ни делает попытки перебежать улицу, немедленно падает мертвым. Оказывается, пулемет у нас в тылу и прямо по улице шпарит. Мы ничего не понимаем, потому что еще дальше в ту сторону стоит наша артиллерия. Сразу возникла мысль — пробиваться к нашей артиллерии. В это время на фронте начинается беспокойство в наших частях. Оттуда прибегает один наш товарищ и передает: красноармейцы беспокоятся, что в тылу стрельба. Мы отвечаем: «Сейчас уладим, наверно кулаки».

Между тем красноармеец, вернувшийся из разведки, сообщает: «Мы окружены сплошным кольцом, сзади нас белые, идут казаки, идут офицерские полки». Наши ребята быстро повскакали на лошадей и бросились к частям. Я должна была поехать со второй партией. Одета я была, как красноармеец, и знали меня в станице.

Только я вскочила, вдруг вижу, что идут белые, через папахи — белые ленты, держат наганы и во все стороны стреляют. Наши товарищи, которые уехали с первой

партией, уже скрылись, а мы врассыпную. А в станице осталось 300 чел., из них 6 коммунистов, в том числе и я. Да остался еще мальчонка 12 лет, доброволец, который ра-



Наша ребята повскакали на лошадей

ботал при политотделе. Видим, что белые держатся настороженно, боятся в хаты заходить. Я быстро стащила все красноармейское, оставила только револьвер, партбилет и печать, остальное все спрятала в подпол. В бабьей одежде выскакиваю вместе с мальчишкой на улицу. Смотрю, едут наши сани, политотдельские. Я бросаюсь к ним и хочу крикнуть: «Товарищи!», но во-время подавилась этим словом.

Спрашиваю: «Какая часть?». Мне отвечают: такая-то пластунская дивизия, и спрашивают: «Ты куда идешь?». Я отвечаю: «До такой-то хаты». «Ты откуда». «Да ростовская». Начинают допрашивать. Говорю, что у меня детишки без мяса сидят, вот я и пришла сюда. Меня отпустили. Я вошла в одну хату. В этой хате сидел один наш красноармеец. Вот мы и думаем, как же нам выбраться?

Мне пришлось за 7 часов, пока мы были окружены белыми, много мест переменить.

Пришла в одну хату. Сидит женщина и говорит: «Я знаю, кто ты, я вчера тебя на митинге слышала. Оставайся, я скажу, что ты моя сестра, а потом ты уйдешь». В это время пришли к ней с обыском. Она сказала, что я ее сестра, но как только они ушли, она бросается ко мне в ноги и говорит: «У меня муж у красных, у меня двое детей, если белые узнают, кто ты, мне не жить на свете». Мне пришлось уйти.

КРАСНЫЕ ГЕНЕРАЛЫ НЕ СДАЮТСЯ

В это время в станице делалось что-то невероятное.

Начальник дивизии т. Соболев был очень тяжелый, пудов на семь. Когда он вскочил на лошадь, она подогнулась под ним. Соболев, видя, что белые подходят быстро, рассыпал цепь в 20—30 чел. Началась перестрелка, его ранили, он упал с лошади.

Белые кричат: «Сдавайся!». Он отвечает: «Красные генералы не сдаются». Они бросились на него и на месте убили. Из 300 чел. 70 было расстреляно и погибло в боях, остальные спаслись. Штаб наш захватили они целиком. Взяли список и по списку вызывали: «Командир дивизии такой-то». Отвечают: «Убит». Другой: «Скрылся». «Начальник политотдела Миткевич». Они ищут мужчину, так как у меня такая фамилия, что по ней нельзя узнать, мужчина я или женщина. Красноармейцы знали, что я здесь в станице, но никто из них не выдал.

На улицах валяются трупы, один на другом. Я наталкиваюсь каждую минуту на своих же товарищей. Вхожу в одну хату. Женщина мне говорит: «Ты не ходи никуда, ведь тебя сейчас же расстреляют, побудь здесь».

А больной муж ее вдруг как закричит: «Да, да, пускай остается, все равно скажу, что она большевичка». Пришлось уйти.

В одной хате мне предложили отдать мою кацавейку,—отдала, и деньги отдала, часы забрали, а ко-

На улице валяются трупы

гда все взяли, то выгнали. Так часа 4 переходила я с места на место. Пришла в последнюю хату. Только вошла, начался вдруг страшный бой — и артиллерия и пулеметы. Из хаты никуда высунуться нельзя. Мы все лежали на полу, пока шел бой. Сколько мы потеряли, трудно себе было и представить, вся станица была завалена трупами. Напряженный бой продолжался часа 4.

Оказалось, что белые со стороны Ольгинской вели наступление. Наши были на Дону, в тылу у наших были они, а в это время по железной дороге пробирался наш бронепоезд. Получилось, как в слоеном пироге: слой белых, слой красных. Бой был такой, что почти во всех окнах станицы вылетели стекла. Из разговоров хозяев я поняла, что они больше сочувствуют белым.

РЕЗОЛЮЦИЯ О МОЕЙ СМЕРТИ

Бой начал затихать. Я решаю пробираться до Ростова, искать свои части и постепенно ребят подобрать. Вдруг слышу женщины кричат: «Наши приехали». Кто на-

Белые кричат: „Сдавайся!"

ши? Они все время о белых говорили, значит белые. Думаю, все равно надо выходить. И у меня только одна мысль была: если будут расстреливать, обязательно чтобы расстреливали на народе, чтобы все видели, как большевики не боятся. Выхожу. Едет парень с нагайкой. Думаю — белый. Но скрываться нет никакого смысла. Говорю ему: «Я начальник политотдела 13-й дивизии». Он меня прямо за шиворот хватает: «Неправда! Врешь!» Я говорю: «Нет, правда». «Ну, идем». Вдруг он начинает смеяться: «Ты на самом деле начальник политотдела? Ведь мы тоже красноармейцы». Оказалось, что эту станицу захватил один из наших полков, но захватил не прочно.

Я пошла в штаб полка, там оказались ребята из нашей дивизии. Мы договорились с ними, что все, кто без лошади, а многие были без лошадей, поодиночке будут выходить из этой станицы с тем, чтобы найти свои части. Я сначала пошла на Ростов. Мороз был 26°. Я в рваной кофте, платочек полушерстяной был весь рваный, на ногах— рваные ботинки. Когда стала подходить к Ростову, вижу, белые части. Я повернула и вместе с отступавшими нашими частями, которые шли из Ростова, прошла в этот день примерно 48—49 км.

На другой день утром в станице, где остановилась наша часть, ви-

жу, бежит мой заместитель по политотделу. Он увидел меня и кричит: «Что же я делать буду, Миткевич? Мы только что похоронный марш по тебе спели. Мы считали, что тебя убили. И вот, смотри, я резолюцию несу — все расписали: какая ты была и как ты геройски погибла. И вдруг ты жива!».

— Ничего не поделаешь, говорю, придется резолюцию разорвать.

Наши ребята здорово были потрепаны. По одному человеку приходилось подбирать людей для того, чтобы сколотить часть и перебросить на фронт. Но тут Буденный сделал свой обход, мы стали продвигаться очень быстро. Мы взяли Ростов и стали продвигаться на Грозный. В это время меня выбрали на IX с'езд партии. Я уехала на этот с'езд.

В БОЯХ ЗА ГЕНЕРАЛЬНУЮ ЛИНИЮ

После этого я главным образом была на партийной работе. В Москву приезжала только на с'езды. Очень большую борьбу пришлось провести с троцкистами и правыми оппортунистами, которые тормозили наше строительство и помогали классовому врагу.

Полтора года тому назад Центральный комитет партии послал на ряд крупных заводов так называемых парторганизаторов, которые подчинены непосредственно ЦК. Для чего? Для того, чтобы Центральный комитет мог лучше следить за тем, что делается на этих заводах. Одним из таких важных предприятий является и наш завод им. Десятилетия Октября. Здесь я работаю парторганизатором и секретарем парткома. На нашем заводе за эти полтора года мы программу, которую нам дали, выполнили. Но этого мало. Мы сумели так организовать труд, что на постройку машины тратим в пять раз меньше, чем тратили прежде, потому что мы повысили производительность труда.

Я начальник политотдела 13-й дивизии

Теперь о чистке. Во-первых, меня самое чистили. Как меня чистили? Приехала областная комиссия. Собрали собрание той ячейки, в которой я была. Собралось народу много, человек 500 с лишним. Заставили меня рассказать, что я сделала для партии, стою ли я, чтобы оставить членом партии. Заставили рассказать, как я защищала линию партии от всяких оппортунистов.

Теперь, как я сама подхожу к чистке? Я—член дзержинской комиссии. А наш завод во Фрунзенском районе. Мне приходилось организовать чистку и у себя на заводе и в Дзержинском районе. Как мы у себя организовали чистку? Перед комиссией по чистке проходят такие партийцы, которые борются за линию партии, дают хорошую производительность труда, которые могут рассказать про политику партии. Таких рабочих-партийцев мы ставим как образец. Есть и другие — шкурники, карьеристы, которые пришли из-за личных выгод в партию. Одного такого у нас на заводе наверно вычистят. За что? В прошлом году, когда нужно было срочно работать над постройкой нашей машины, он сказал: «Давайте 11 руб. в час, а иначе не буду работать». Ну какой же это коммунист? Мы тогда его из партии исключили, он обещал исправиться, мы его восстановили, исправился он плохо.

Расскажу еще про одного. Его выдвинули на руководящую работу, а он развел страшный бюрократизм. У нас умер один рабочий. Его семья имела право получить пособие. Но у умершего до полного членского взноса нехватало 74 коп. И этот бюрократ из-за 74 коп. оставил семью рабочего без законного пособия. Вот таких людей, которые не хотят бороться за линию партии, которые извращают ее, таких, которые болтают о невыполнимости наших планов, которые свое ставят выше партийного, мы вычистим.

Как мы подходим к чистке? Смотрим каждого товарища внимательно, кем он был, как он пришел к революции, какую драку выдержал раньше. Иногда у нас классово чуждый элемент попадает. Попал один помещик к нам на завод. Он скрывал свое происхождение, но об этом некоторые рабочие-коммунисты знали, но никому из нас не рассказывали. Вот за такое предательство по отношению к партии, за такое сращивание с чуждым элементом мы будем этих рабочих крепко чистить. Помещика мы с завода выгнали, а предателей мы из партии вычистим.

В Дзержинском районе мы начали чистить главным образом советские учреждения. Сейчас там наша комиссия чистит ячейку Огиз. Главная задача этой ячейки—обеспечить выполнение решения ЦК, чтобы у каждого учащегося был хороший учебник.

Большевикам Огиз мы прямо пред'являем такое требование: раньше большевики дрались на фронте, работали в подполье, все свои силы тратили, теперь от вас требуется, чтобы вы потратили все свои силы, но выполнили бы решение ЦК.

Мы чистим не только для того, чтобы выбросить из партии тех, кто не нужен, кто вреден партии. Мы стремимся, чтобы во время этой чистки каждый коммунист и беспартийный рабочий выучился, как нужно бороться за линию партии, чтобы у каждого рабочего и у коммуниста, у комсомольца и также у вас, пионеров, явился больший интерес к изучению истории партии. Партия могла побеждать только потому, что она правильно указывала путь рабочему классу, потому, что мы были людьми, которые знали учение Маркса—Ленина о свержении капитализма и уничтожении частной собственности, о построении социалистического бесклассового общества.

После чистки, избавившись от негодных партии людей, от чуждых, от жуликов с партбилетом в кармане, улучшив работу партийных организаций, партия станет не слабее, а еще сильней, чем раньше.

Н. Г. СМИРНОВ

Автор „Джека Восьмеркина Американца“

Очерк И. РАХТАНОВА

Умер писатель Смирнов — автор «Джека Восьмеркина — Американца», автор производственных книжек, автор веселых комедий.

Меня зовут Джек Восьмеркин

«Джек Восьмеркин» вышел вторым изданием. И хочется одновременно говорить и о книге и о писателе.

Это было давно. Еще при царе. Молодой студент Московского университета написал пьесу. Прочел товарищам, они не поверили, что это написал их Николаша. Пьеса была очень веселая. Ее нужно, необходимо было поставить. У одного из студентов нашелся дядя — важный театральный критик. К нему и пошли.

Критик сидел в глубоком мягком кресле. Это был седенький старичок с высохшей от времени желтой кожей.

— Прочтите ваш труд, — сказал он.

И студент начал читать. Он читал очень весело. Каждый герой пьесы говорил по-своему, но все они говорили забавно. Однако критик молчал. Ни слова, ни смешинки не проронил он. Иногда студенту казалось, что его слушатель спит. Он начинал читать громче, критик открывал глаза и опять не смеялся. Трудно было читать. Наконец занавес упал в последний раз. Студент стер со лба выступивший пот. «Почему я в детстве не умер?» — подумал он.

— Очень веселая пьеса, — сказал критик скучным голосом, — я, молодой человек, никогда в жизни так не смеялся. Вот вы кончили, а я все смеюсь. Я непременно вашу пьесу устрою в театр.

Так и случилось. Это была первая пьеса Смирнова. Она имела большой успех и публика смеялась не так, как высохший театральный критик.

Потом Смирнова пригласили в ленинградский театр «Кривое зеркало». Это был удивительный театр. В нем все было не серьезно, все высмеивалось. И все было наоборот. Ставили например пьесу о гробовщиках — уж на что мрачная, невеселая профессия, — а в «Кривом зеркале» гробовщик превращался в розовощекого парнишку, певшего частушки.

Смирнов стал главным его автором. Он ездил с театром по провинции, писал пьесы находу.

В 1916 г. Смирнов уехал на Север, на Кольский полуостров. От Петербурга в Мурманск, или, как тогда называли, Романов на Мурмане, строили железную дорогу.

„...Чарли медленно под'ехал к американцам в автомобиле.. “

Это было первое строительство в жизни Смирнова. Он раз'езжал по участкам на собаках и оленях.

Началась революция.

Был Смирнов на фронтах.

Потом, когда разомкнулось кольцо блокады и страна начала восстановлять разрушенное хозяйство, Смирнов вернулся в литературу. Он написал тогда первые свои детские книги. Уже выросли читатели этих книг. Уже им по 20 лет, уже управляют они тракторами, водят автомобили, делают анализы в лабораториях, говорят речи на собраниях.

Детская литература тогда еще только начиналась. Не было Пантелеева. Никто не знал Кассиля. О Житкове ничего не было слышно. Ильин еще работал на заводе как инженер. Но вот эти люди постепенно сошлись. Они принесли в издательство свои книги.

Тогда Смирнов начал писать «Джека». Он писал его долго — четыре года.

Давайте познакомимся с романом. «Джек Восьмеркин Американец» — толстая книга. 430 страниц! Есть что почитать!

Джек получает семена табака «Вирджиния» из Америки. Джек вывез свои знания из Америки. Мы перенимаем американский опыт. Но мы не копируем, как Джек. Мы берем нужное, а ненужное отбрасываем. И когда Джек встал на этот же правильный путь — коммуна «Новая Америка», созданная Джеком и его деревенскими товарищами, стала одной из лучших коммун. Вот о чем книжка Смирнова.

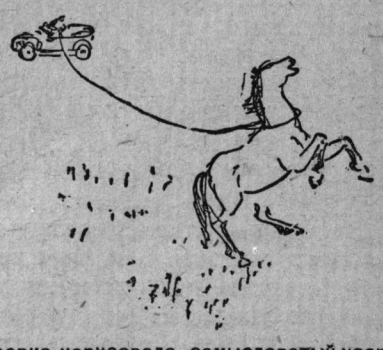
Рассказывать ее не стоит, да и рассказать такую большую, интересную книжку в нескольких строчках нет возможности.

Смирнов последний год работал на Кузнецкстрое. Это была третья и последняя стройка в его жизни. Еще он был на Сталинградском тракторном. Ребята, читавшие «Приключения Пинчика Котмана», знают об этом.

В Кузнецке Смирнов писал историю завода. Она выходила у него такой же веселой, как пьесы, как «Джек». Смирнов не успел окончить книгу. Он умер.

Теперь остались только книги. Большая эпоха отражена в них. Листы книг перелистываются — наша жизнь проходит по листам.

Достаньте в библиотеке книги Смирнова и прочтите их. Это сделала его 14-летняя дочь. У гроба отца она читала его книгу.



„...Веревка нарисовала замысловатый узор в воздухе и обвила шею лошади...“

ИГОРЬ ИЛЬИНСКИЙ ОТВЕЧАЕТ МИТЕ ЕГОРОВУ

Воришка Тапиока (Игорь Ильинский) в отсутствие хозяев пробирается в дом банкира
(Из фильма „Процесс о трех миллионах")

— Ты пишешь мне, милый Митя, что хочешь поступить в киноактеры. «Я видел вас несколько раз в различных картинах, Игорь Ильинский,— пишешь ты,— мне очень понравилась ваша игра, и я тоже думаю пойти на кинофабрику — играть».

Я чуть не каждый день получаю такие письма. Пишут ребята из самых дальних углов нашего Союза. Увидят меня в какой-нибудь картине, целый вечер смеются, вспоминая мои трюки, а потом решают: «Весело живется этому чорту — Ильинскому, балуется, штуки всякие выкидывает — хорошо! Нет, кончу школу, обязательно стану актером».

И кажется ребятам, что стать актером так же легко, как зубы вычистить. Взял немного зубного порошка на щетку, потер зубы — и готово.

Ребята даже не подозревают, что работа актера одна из самых трудных, нервных, изнурительных.

Я стремился к театру с самого раннего детства. Отец мой был доктором. У него в приемной собиралось много пациентов. Я видел, что они скучают, читают старые журналы. Тогда я решил открыть для них театр. Афиши об открытии театра я вывесил в передней и уборной. Там лучше бросалось в глаза. В афишах сообщалось, что для ожидающих пациентов открывается театр «Киу-Сиу». В главной роли выступит Игорь Ильинский.

Отец страшно рассердился. Он сорвал плакаты в передней и уборной. «Сейчас же убрать всю эту гадость!».

Я никак не мог понять: я собирался развлекать его же пациентов, а он сердится! Странный человек!

Наконец меня отдали учиться в частную гимназию Флерова. Там было очень чинно и прилично. Когда кто-нибудь баловался, приходил директор и говорил грустным голосом: «Вы дети интеллигентных родителей...» и начиналась длинная проповедь. Математика приносила мне массу огорчений и двоек. Я предпочитал заниматься спортом, играл в теннис, греб, ходил на лыжах. Родители приходили в отчаяние: «Что из него выйдет?».

В средних классах я вдруг горячо увлекся театром. Дело началось со скандалов: «Почему абонемент в Художественный театр дают не мне, а сестре!». Стал ходить по театрам, присматриваться к актерам. Мне нравились преимущественно комики, а пьесы — веселые или пародийные. Очень любил я Козьму Пруткова и в гимназии поставил его пьеску «Фантазия». Когда я окончил гимназию, разразилась Февральская революция.

К этому времени мое увлечение театром настолько выросло, что я решил поступить в театральную школу. Дома об этом и слышать не хотели. Пришлось самому зарабатывать деньги, чтобы оплачивать свое обучение в студии Комиссаржевского.

Зарабатывал я уроками. Какие я мог давать уроки и чему я учил моих учеников, этого я до сих пор не понимаю. Сам-то я учился ужасающе. Очень теперь удивляюсь.

В студии я сразу понял, что ремесло актера, такое легкое и занятное с виду, на самом деле — тяжелый, упорный труд. Иногда семь потов сойдет, пока найдешь верный искренний тон или жест. С тех пор прошло много лет, я переменил много театров и играл десятки ролей, но до сих пор не могу сказать, что я «знаю» и «умею» играть. Вот инженер выучивается, проходит курс втуза и становится специалистом в своем деле. Инженер знает,—если случилась авария, надо делать то-то и то-то. Актер никогда не чувствует себя окончившим учение, спецом, он никогда не знает, что нужно делать в том или ином месте игры. Поэтому актером быть очень трудно. Это — работа изобретательская. Я сам изобретаю многие мои трюки, которые потом имеют успех. Иногда трюки эти грозят опасностью для жизни. Например в картине «Когда пробуждаются мертвые» я удираю от кондуктора по крышам вагонов и наконец цепляюсь за мост, под которым проходит поезд. По картине можно было этого не делать, а просто бежать по вагонам. Но мне хо-

телось придать интерес, авантюрность, и я придумал этот трюк. Режиссер на меня рассердился:

— Вы, Игорь, сумасшедший. У вас ведь не три жизни, а всего одна. Незачем рисковать.

И ушел со с'емки. Даже не захотел смотреть, как выйдет. Думал, что кончится катастрофой. Но все обошлось благополучно.

Сейчас мне очень помогают мои прежние занятия физкультурой. Я умею бегать и прыгать, у меня крепкие мускулы и, несмотря на мою толщину, я хороший гимнаст. Это мне очень пригодилось на сцене и в кино. Поэтому ты, Митя, если серьезно задумал итти в театральную или кино школу, должен стать тренированным физкультурником.

После студии Комиссаржевского я играл во многих театрах. Даже в детском. Выступал я в пьесе «Маугли» в роли медведя Балу. Я так свирепо чесал себе пузо, что ребята катались со смеху.

Потом я пошел в театр имени Мейерхольда — самый новый и революционный из всех тогдашних театров.

Мейерхольд говорил, что актер должен все свое умение отдать революции и рабочему классу.

Он говорил, что не должно быть актеров, которым безразлично, что играть. Он ставил перед нами задачу быть на сцене либо защитниками, либо обвинителями того действующего лица, которое мы изображали, в зависимости от того, враг или друг он пролетариату.

Мейерхольд был против замкнутости актеров, оторванности от зрителя. Актер — это не «жрец искусства», а работник культурной революции, работник искусства, который должен научиться действовать таким сложным и трудным инструментом, как он сам. В театре Мейерхольда я вырос и нашел себя как актера, и нашел ту манеру игры, которая так нравится тебе, Митя, и всем вообще ребятам.

Уменье играть в кино тоже далось мне с большим трудом и выучкой. Первый раз я снимался в «Аэлите». Я играл сыщика, которому надо было пробраться сквозь огромную толпу. Была натурная с'емка, т. е. на улице и не инсценированная, а «живая». Это было на демонстрации 1 мая. Я посмотрел на людей, шедших со знаменами, и почувствовал, что робею. Удастся ли трюк? Как пробраться? Тогда я начал отчаянно кричать и с криком ринулся в толпу. Демонстранты в удивлении расступились. Я работал локтями и орал, и мне казалось, что весь человеческий поток несется за мной. Я очень волновался. А когда посмотрел готовые кадры, оказалось, что очень немногие обратили на меня внимание.

Дружеский шарж художника Каневского

Иногда бывают смешные случаи. В одной картине я играл бродягу, который заходит в Ленинграде в гастрономический магазин и очищает прилавок. Служащий не был предупрежден. Я в лохмотьях зашел в большой магазин на проспекте 25-го октября. Оглянулся, и — цап яблоко. Продавец цап меня за руку:

— Ах ты, ворюга, держи его, братцы!

А я откусил кусок яблока и за другое хватаюсь. Продавец поднял отчаянный крик. Я смеюсь, потому что с'емка уже кончилась, а он на стенку лезет от негодования. Разозлился так, что даже режиссер его не мог успокоить. Так и не понял, что это с'емка:

— Вы просто за ворюгу заступаетесь. Стыдно это, гражданин. Он будет таскать, а вы будете платить?

Вот ты пишешь, Митя, что с тех пор, как ты решил сделаться киноактером, ученье тебя уже не увлекает. Напрасно. Я теперь очень часто жалею, что плохо знаю математику, химию, языки, черчение. Если бы я знал все это, я мог бы читать роли в подлинниках, я знал бы устройство сложнейших киноаппаратов, реакцию на пленку, расположение сцены. Это мне помогло бы в моей игре, а теперь я до всего этого дохожу с большим трудом.

До революции в помещичьих и буржуазных кругах считали, что актеры—это бездельники. Что они пьют, танцуют, кутят, «прожигают жизнь». Это неправда. Труд актера очень изнурителен, да и некогда ему «прожигать жизнь». Нужно рано ложиться спать, умеренно есть и заниматься тренировкой, чтобы сохранить себя пригодным для сцены или экрана.

Еще нужно тренировать свою память. Я лично ролей никогда не заучиваю, они выучиваются по ходу работы. Если сцена удачна и удалось сразу найти искренность, слова сами собой заучиваются. Если же роль не выходит, то я вечно путаюсь в словах и забываю их, хотя память у меня хорошая.

У меня своя «группа» друзей и учеников. Это—беспризорные. Я гастролировал как-то в Донбассе. И там они ко мне пристали, стали ездить со мной повсюду. Я в Москву — и они в Москву, я в Тифлис—и они туда же. Сначала актеры их гнали, пробовали от них отделаться. Ничего не выходило. Тогда к ним привыкли, стали им давать мелкие поручения, поручать хранение вещей. Они оказались очень преданными ребятами и очень строгими критиками.

Выступаю я в каком-нибудь летнем театре или клубе, а кругом, как бахрома, на заборе висят беспризорные. Кончил играть, они ко мне.

— Чивой-то ты мало нынче чудил, Егорылинский?!

И я чувствую себя виноватым. Действительно мало чудил.

Так вот, Митя, если ты хочешь «чудить», помни, что это не так легко и что для этого нужна серьезная и долгая учеба. А теперь прощай, у меня даже рука заболела. Видишь, как расписался. Жму руку.

ИГОРЬ ИЛЬИНСКИЙ

ОХОТНИКИ ЗА КРАПИВОЙ (Окончание)

Успех подтвердил, что поиски велись правильно. Государство дало ботаникам ряд заданий. Мы должны отыскать замену иностранному сырью, избавить страну от иностранной зависимости.

Туркмения издавна славилась производством ковров. В этих коврах особенно хороша была желтая краска, похожая на заблудившийся солнечный луч. Ботаники стали искать и нашли, что краску эту туркменки добывают из семян жимолости или, по-местному, «залиль». Испытали это растение и узнали, что оно великолепно окрашивает желатин и годно для светофильтров, для ортохроматических пластинок. Без этих пластинок мы не можем производить авиофотос'емки. Раньше пластинки ввозились из Германии и стоили очень дорого. Теперь благодаря изучению растений мы стали готовить светофильтры сами.

Не только на окраинах Союза растут полезные растения. Всюду — в деревне, в лагере, у себя во дворе — ты можешь найти растение, которое окажется полезным. Простая крапива, которую ты топчешь ногами и рубишь палкой, оказывается, дает прядильное волокно. Из стеблей крапивы получается прекрасная прочная пряжа, которая не гниет в воде и хорошо принимает краску. Сейчас мы изучаем крапиву. Она неприхотлива, растет даже на крайнем севере. Благодаря крапиве можно поставить текстильное производство там, куда завоз хлопка был бы очень сложен.

В 1918 г. в Ленинграде было голодно. Было известно, что молодая крапива питательна. Тогда заготовили 40 тыс. пудов соленой крапивы так, как солят капусту. Ею кормили раненых красногвардейцев, которые быстро поправлялись.

В поле, в степи цветет синий шалфей. Шалфей употребляется как средство от зубной боли, кроме того семена шалфея богаты быстро высыхающими маслами, пригодными для лакокрасочной промышленности. Шалфей ты конечно видел. И много раз рвал его цветы, но о свойствах этого растения вряд ли знал.

Но кто же занимается испытанием и всесторонним изучением растений?

В Москве на шоссе Энтузиастов в доме № 111 помещается Институт спецкультур. Институт имеет своих поставщиков и корреспондентов во всех концах Союза, агрономы, колхозники, пионеры шлют сюда пакетики с семенами, корни и засушенные растения. Институт берет растение в свои лаборатории. Каждое растение испытывается на все: смотрят, нельзя ли использовать волокно, растение кипятят в разных химических растворах, делают водные и спиртовые вытяжки, опускают туда полоски различных материй, наблюдают, окрашивается ли материя и линючая ли краска. Узнают, сколько в растении белков, углеводов, жиров, не может ли оно итти в пищу. Это увлекательная работа. Часто бывают неожиданные открытия.

Ребята, возле вас, на земле растут удивительные вещи. Попробуйте внимательнее присматриваться к растениям. Присылайте нам семена, корни, стебли. Сейчас институт выделил специальный премиальный фонд для тех ребят, которым удастся найти какое-нибудь полезное растение. Вы, ребята, глазастые, и от вас государство ждет новых растений для промышленности. Мы приветствуем инициативу журнала «Пионер» в организации конкурса на лучший исследовательский поход.

Наблюдайте растения, собирайте семена и включайтесь в нашу общую работу по освобождению страны от иностранной зависимости.

КРАПИВА

Ценное волокнистое растение, из которого можно изготовлять крепкие ткани, веревки и пр. Собирать нужно семена и как можно в большем количестве.

ГОРЛЕЦ, ГОРЛЯНКА, РАЧЬИ ШЕЙКИ

Растет обычно на торфянистых лугах. Цветы розовые, редко белые, собранные в толстый колос на вершине тонкого стебля. Корни изогнуты крючком, похожим на хвост рака, в изломе розовые. Корни идут на дубление кож. Собирать корни и семена.

ДЯГИЛЬ АПТЕЧНЫЙ

Многолетнее мощное зонтичное растение с большими рассеченными листьями, которые у основания крыловидно расширены. Растет по берегам рек и по оврагам. Пищевое. Собирать семена.

ЕЖЕВИКА

Колючий полукустарник с тройчатыми листьями. Растет по берегам рек и обрывам. Ягоды похожи на ягоды малины, но тусклые, черные, иногда покрыты сизым налетом. Ценное для ягодных заготовок

Собирать семена.

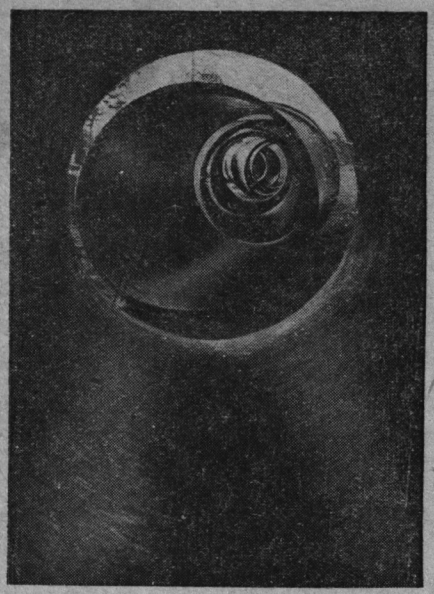
Цена 25 коп.

9 1933

ЗОРКИЙ ГЛАЗ

Н. Олейников

Ребята, шлите ответы, находите сами задачи для отдела „Зоркий глаз", посылайте в редакцию.

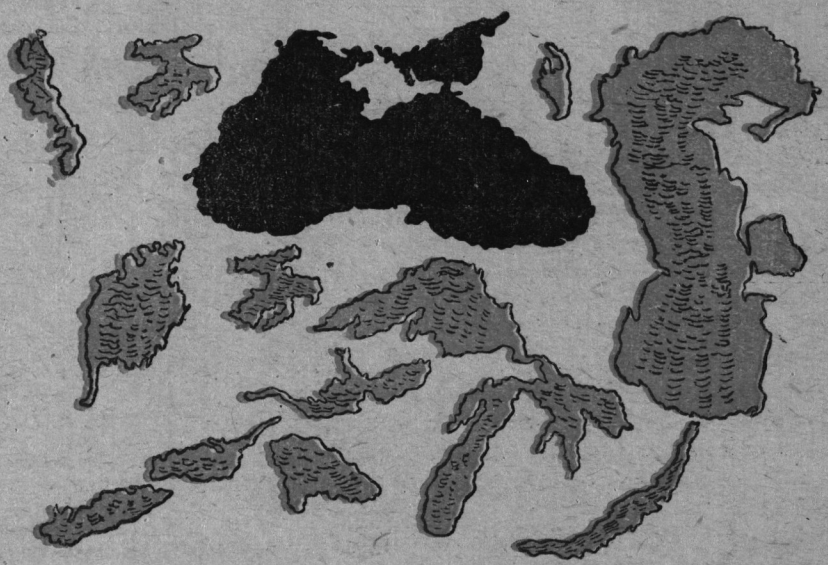


Фотограф Родченко очень неспокойный человек. Он всегда норовит снимать вещи, дома, людей, животных не с той стороны, откуда их все люди видят.

Заберется куда-нибудь на крышу и снимает с высоты восьми этажей дворника с метлой или заседание домкома. А потом поди догадывайся.

Снял он эти круги, принес в редакцию и говорит: пусть читатель догадывается, что это и куда я забрался, чтобы это снять.

Назовите, не заглядывая в атлас, какие это озера?



Посредине для сравнения озер по величине нарисовано Черное море

ХОРОШИЙ ЛИ У ТЕБЯ ГЛАЗОМЕР?

Измерь ниткой толщину твоего указательного пальца.

Теперь подумай и скажи, во сколько раз длиннее нужно взять нитку, чтобы она обхватила твою руку у запястья.

А во сколько раз „обхват" шеи больше „обхвата" пальца?

Проверь свой ответ. У тебя получится большая ошибка.

Это фото—ответ на загадку. Какую? Узнайте сами!

Что за странный зверь?

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор Н. КУПРЕЯНОВ Издательство: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"

Сдан в набор 15/VII—33 г., подписан к печати 7/VIII—33 г. Изд. № 563 Формат 1/8 72×109 см. 1 б. л. 135.000 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита В—56234 Типография газ „Правда", Москва, ул. им. Горького, 48. Заказ № 1956 Тираж 40.000.